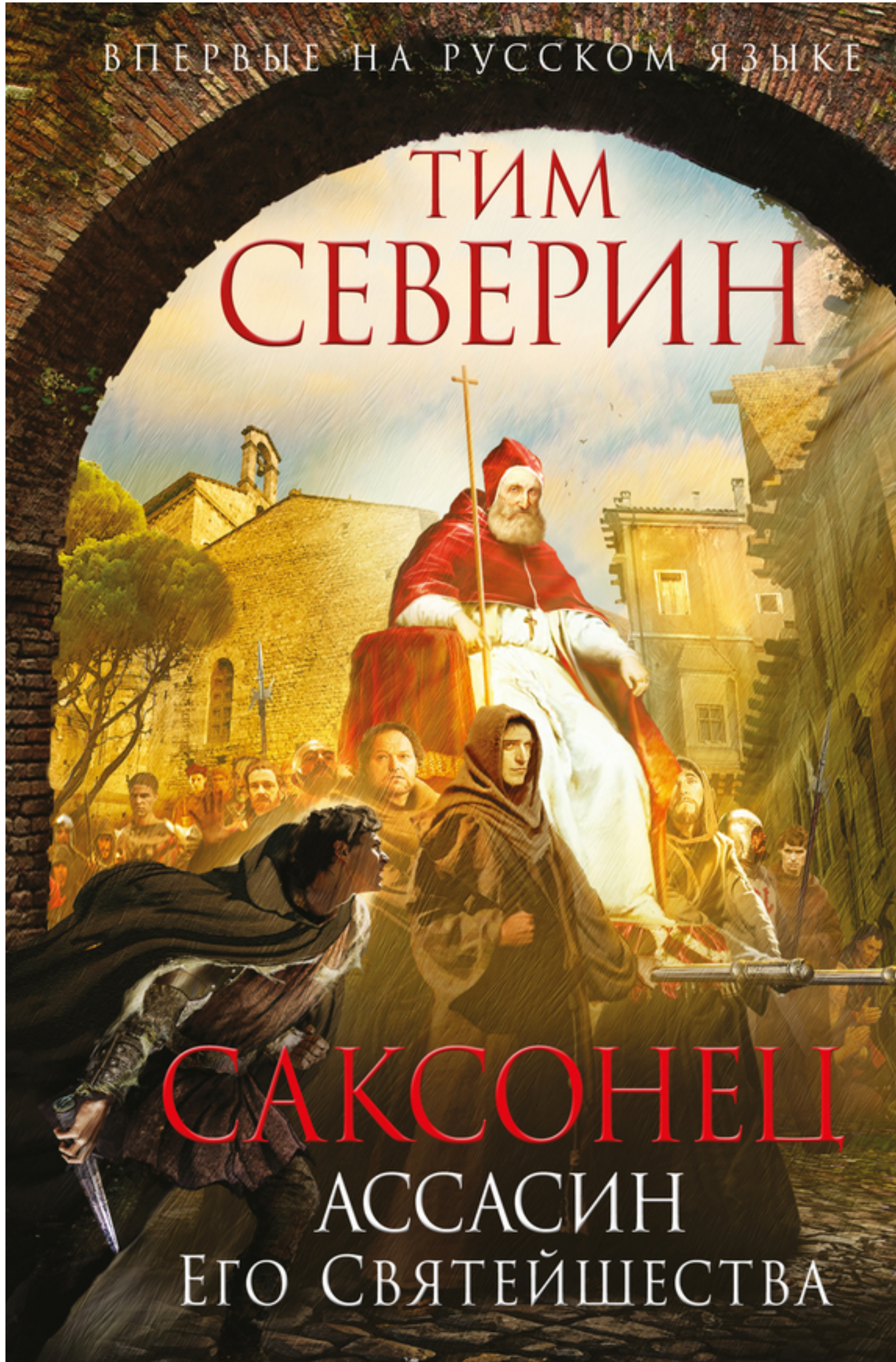

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ТИМ
СЕВЕРИН

САКСОНЕЦ
АССАСИН
ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА

Саксонец

Тим Северин

Ассасин Его Святейшества

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Северин Т.

Ассасин Его Святейшества / Т. Северин — «Эксмо»,
2015 — (Саксонец)

ISBN 978-5-699-88828-3

Саксонец Зигвульф – свирепый воин и умелый дипломат. Ему не впервой выполнять деликатные поручения своего повелителя – Карла Великого, могущественнейшего из владык западного мира. Но даже с его опытом будет нелегко разобраться в хитросплетении интриг Вечного города, где неизвестные заговорщики объявили охоту на самого папу римского...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-88828-3

© Северин Т., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Тим Северин

Саксонец. Ассасин Его Святейшества

Tim Severin

Saxon: The Pope's Assassin

Copyright © Tim Severin 2015

Перевод с английского *Александра Шабрина*

Глава 1

ГЛАВА 1

Рим, 799 год н. э. 23 апреля, праздник святого Марка

Маячившие в проулке головорезы представляли собой типичное римское отребье: сальные прилизанные волосы, землистость лиц, кислая вонь пропотелого тряпья – словом, обычные обитатели многоэтажных трущоб у изгиба Тибра. Услуги этой швали обычно стоят дешево, но и надежности от нее не жди: по деньгам и товар. Тут же с ними стоял и их наниматель, заметно отличавшийся от них – он был выше остальных на голову. Кстати, насчет головы: на нее была нахлобучена громоздкая меховая шляпа, куда более уместная для зимних холодов, чем для яркого весеннего утра Вечного города. Под подбородком шляпу туго стягивали тесемки – явно из желания владельца получше скрыть лицо. От этого вид у долговязого был ущербно-зажатый и одновременно нахохленный.

– Гляди-ка, ежик колючками вовнутрь, – смешливо прошептал своему дружку один из наймитов.

Долговязый вслушивался в звучание хора на ступенях церкви Сан-Лоренцо, находящейся в паре кварталов слева, – торопливая распевка перед утренним торжественным шествием. Но вот, пока еще едва слышно, с противоположного направления до слуха собравшихся донесся перестук копыт.

– Изготовились, – сухим от напряжения голосом проронил долговязый, – он рядом.

Наймиты теснее вжались в косой провал тени от высокой боковой стены монастыря, именованного в честь святых Стефания и Сильвестра.

Звонкое цоканье копыт постепенно приближалось. По обе стороны Виа Лату – ровный как линейка проезд перед церковью – окаймляла пока еще негустая толпа прихожан и зевак, вытягивающих шеи в предвкушении зрелища близящихся всадников. Хор умолк, а над головами в воздух грузновато взметнулся массивный, разлапистый деревянный крест, белый с желтым. Под своей тяжестью он слегка покачивался, держась на весу усилиями одного из бедолаг, назначенного на ответственную роль носчика от здешней богадельни. Следом, один за другим, над толпой стали взрастать кресты поменьше и полегче: их золоченые древки были увиты цветастыми лентами. Эти кресты хранились в особых запасниках и доставались специально для торжественных процессий, которые праздничными ручейками вытекали за пределы городских стен через Фламиниевы ворота. По дороге такой крестный ход делал остановку для молебна пред кальвариями¹, после чего через Мульвийский мост струился к своему конечному пункту назначения – базилике Святого Петра, где при стечении народа проводилась Большая литания.

Долговязый на полшага выдвинулся из затенения, чтобы видеть поверх людских голов. Толпа состояла в основном из женщин, с вкраплением пожилых людей, праздных зевак и не более чем горстки сошедшихся в Рим паломников. Именно они выказывали наибольшее любопытство, с волнением высматривая, что там за сановники едут по городу. Поблизости не было ни солдат, ни стражи, ни караульчиков, что оказалось весьма кстати.

На виду показались всадники: небольшая группа, всего лишь семеро. Помимо двоих, все были в изысканных церковных облачениях – длинных ризах из темного текучего шелка, отороченных золотистой каймой, что поблескивала на солнце. На предводителе кавалькады – пухлолицем, томно-бледном человеке средних лет – башенкой возвышалась белая митра в тон объемистому одеянию из узорчатой парчи. Головы остальных венчали лиловые шапочки с серебристой оторочкой. Еще двое ехали простоволосыми, в незатейливых темных рясах.

Долговязый цепко следил, как всадники замедляют ход, останавливаются в каком-нибудь десятке шагов и начинают неторопливо спешиваться. Он дождался, когда наземь сойдут все, а лошадей под уздцы уведут конюшие.

– Пошли! – рявкнул он, и шайка головорезов прынула из укрытия.

В их сторону никто не глядел, а потому внезапность была полная. Первые крики послышались, когда разбойники повыхватывали из-под одежды ножи и дубины, замахиваясь ими на встречных. Толпа в панике рассеялась. В несколько размашистых шагов нападающие добрались до намеченной жертвы – сановника в белой митре. Подсеченный ударом по ногам, он грузно рухнул на плитняк проезда и остался лежать, частично оглушенный, с занявшимся от удара дыханием. Головорезы, чиркая в воздухе клинками, с грозной руганью напустились на его спутников. Те порскнули кто куда, поднимая на бегу ризы, чтоб, упаси бог, не запнуться. Оказать сопротивление попытался лишь один, но от удара в лицо он отшатнулся, брызжа кровью из расшибленного дубьем носа. Мелькнувшая разбойная рука сдержнула у него с шеи усыпанный камнями крест на золотой цепи. Этот сановник тоже поспешил прочь. Минуты не прошло, как Виа Лата опустела – остались только нападающие и их несчастная, распростертая на земле жертва.

Долговязый шагнул к лежащему человеку и бесцеремонно пнул духовную особу в живот. Запутавшийся в своем одеянии церковник смог лишь свернуться в клубок и поднял руки, чтобы прикрыть ими голову. Дорогой плащ и черные мягкие туфли с него послетали, а парчовая риза скабрезно задралась до колен, открыв белые льняные чулки.

– Милостью Божией... – тихо прогнусавил он.

– Займитесь им, – бросил долговязый.

¹ Кальварии – у католиков 14 изображений крестного пути Христа, расположенные около церквей или по дороге к ним. (Здесь и далее прим. перев.)

Двое разбойников ухватили жертву под мышки и поставили на колени. Третий, с ножом в руке, встал перед оцепеневшим от ужаса сановником. Белая митра свалилась у того с головы, обнажив тонзуру в темных крапинах, окруженную венчиком жидких седеющих волос.

Тот, что держал нож, несколько замешкался.

– Ну же! – прикрикнул высокий предводитель. Не дождавшись ответа, он обогнул колени попреклоненного сзади, схватил его за уши и зажал между ладонями его голову. – Делай как велено, – распорядился он.

Наймит с мелким вдохом выступил на полшага и ткнул острием жертве в левый глаз. Сановник в ужасе слепо дернул головой вбок, и тычок пришелся мимо, оставив над скулой длинный рубец.

– Еще раз! – прорычал долговязый.

Снова тычок, и снова мимо глаза. И еще один рубец, от которого лицо жертве залило кровью.

– Остолоп косорукий! – прошипел высокий человек.

Выпустив уши жертвы, он яростно присосался к порезу на своей руке. Лезвие ножа прошло по скуле вскользь и чиркнуло ему по костяшкам пальцев. Вместе с тем двое других сообщников ослабили хватку, и сановник, обильно кропя свои ризы кровью, пал лицом вперед, неразборчиво хныча.

– Убираться отсюда надо, – тревожно бросил один из наймитов.

Его сообщники уже исчезали один за другим. Один из них по дороге прихватил богатый плащ, каким-то образом слетевший за время потасовки. Разбойник, что сорвал нагрудный крест, скрылся в самом начале. Невдалеке на Виа Лате стал кучками скапливаться люд, с нервным любопытством поглядывая на происходящее. Свары между шайками были в Риме обычным делом, но нечасто это происходило настолько публично.

– Утащить этого ублюдка! – скомандовал долговязый. Оглядевшись, он увидел, что из дюжины головорезов при нем осталось всего трое – тот, что с ножом, и те, что держали сановника. Чуть сдвинув на голове меховую шляпу, предводитель нагнулся и ухватил окровавленного церковника за воротник ризы, после чего поволок его ко входу в церковь.

Наймиты бросились помогать: отворили дверь и пособили затащить окровавленное полубесчувственное тело на мраморный пол атрия.

– А язык? – находясь уже внутри храма, зло напомнил высокий разбойнику с ножом. – Ты же должен был еще и оттяпать ему язык?

– Это не так легко, как кажется, – буркнул тот в ответ.

Сгибая и разгибая пальцы руки, которую полоснул нож, долговязый шумно вздохнул.

– Времени совсем в обрез. – Он посмотрел вниз, туда, где возле его ног жалобно постанывала немошно раскинувшаяся одутловатая фигура. Чуть сдвинув на голове шляпу, долговязый кивнул на дверь, которая вела из атрия в крыло монастыря. – Оттащите его пока туда.

Под мрачным взглядом своего нанимателя головорезы проволокли кулем обвисшую жертву через дверной проем в монастырь и заспешили там по коридору. Дверь в одну из келий была открыта, и разбойники швырнули пленника туда, наземь, с грохотом задвинув за его спиной засов. Когда они затем вернулись в церковь, вожак разбойничьей троицы требовательно протянул руку и застыл в ожидании, пока долговязый не сунул ему в растопыренную пятерню кожаный кошель. После этого все вчетвером окольным проходом выскользнули в проулок. Здесь их пути разошлись: наниматель, ссутулившись, заспешил в сторону Целиева холма, а его сообщники отправились в противоположном направлении, к трущобам.

– Надо было, Гавино, стробовать с этой шляпы побольше монет, – рассудил вожак разбойников, взыскательно пробуя кошелек на вес. Товарищи поглядывали на него настороженно: уж не думает ли дать деру?

– Что, обсчитали нас? – криво ухмыльнулся Гавино – это был тот самый мужчина с ножом. Даже темная щетина не могла скрыть уродливую россыпь оспин, покрывающих ему щеки и подбородок. – Надо было нам, дуракам, выяснить, что за птица этот долговязый, и пригрозить, что донесем на него, если он не додаст нам денег.

– Слишком рискованно. Эти церковники вконец подмяли под себя наш город. Все судьи пляшут тут под их дуду.

– Кровопийцы все как один, сверху донизу, – согласился его товарищ. С громким хрюком вобрав в себя слюну и слизь, он смачно харкнул в канаву. – А ты, получается, не удосужился пнуть башмаком по тем сиятельным ягодицам?

– Ты про того старого пердуна, которому мы сейчас навалили?

– Ну а про кого ж еще, олух ты царя небесного!

– А кто это, кстати, был?

– А вот именно он и был. Наместник Царя Небесного на Земле, Его святейшество Папа. Или как он там себя величает.

Глава 2

ГЛАВА 2

Франкия – Падерборнский дворец, 21 мая

Посланник от епископа застиг меня у ограды с леопардом: я как раз шурился в нее через железные прутья.

– Не ты ли будешь Зигвульф? – учтиво осведомился посыльный.

Подмышки его бурой шерстяной рясы намokли от пота, а распаренное лицо рдело от несвойственной этому времени года жары. Судя по выговору, этот монах был откуда-то с запада Франкии и в Падерборне мог считаться чужаком. Должно быть, кто-то сказал ему, что я изъявил интерес к королевскому зверинцу.

Я кивнул в ответ на вопрос посыльного и принял протянутый мне лист бумаги, аккуратно сложенный вчетверо.

Снаружи лист был запечатан расплюснутым катышком желтоватого воска, на котором отправитель сделал нехитрый оттиск: строгий крест с равновеликими сторонами, охваченный кружком. Сломив печать ногтем большого пальца, я развернул тихо хрустнувший лист. Внутри была всего одна строка, выведенная ровным каллиграфическим почерком:

«Зигвульф, я рекомендовал тебя архиепископу Арну Зальцбургскому. Алкуин».

Это, собственно, объясняло наличие креста. Алкуин нынче значился епископом Турским², хотя я был с ним знаком в бытность его дворцовым советником и приват-

² Тур – город на западе Центральной Франции.

ным наставником семейства нашего верховного сюзерена, короля франков Карла. Именно Алкуин, помнится, восемь лет назад назначил меня для отбора диких животных – в том числе двух полярных медведей – в Багдад, в дар тамошнему халифу от короля Карла. Отсюда происходил и мой неизбывный интерес к королевской коллекции зверей.

Ни для кого не секрет, что Алкуин из своего далека по-прежнему пытался влиять на дела государства и поддерживал переписку с членами королевского совета. Однако сейчас я ощутил что-то похожее на беспокойство: как-никак письмо было адресовано лично мне, хотя я при обширном дворе короля Карла значился не более чем *milites*, эдаким солдатом благородного сословия. У меня и звания-то определенного не было, хотя время от времени на меня навешивали те или иные задания, которые я с переменным успехом выполнял.

Между тем письмоносец в рясе, отирая рукавом лоб, стоял в ожидании моего ответа.

– А на словах Алкуин ничего не передавал? – поинтересовался я.

– Ничего, господин. Сказал лишь, чтобы я провел тебя на встречу с архиепископом Арном.

– Ты знаешь, где искать архиепископа?

– Знаю. Я ему вот только доставил одно из писем моего господина. Так что он у себя в покоях.

Напоследок я еще раз глянул, как там обстоят дела в ограде. Была надежда, что майское солнышко выманит леопардиху-мать наружу вместе с двумя детенышами, которых она принесла пару недель назад. Но нет, из закутка так никто и не появился.

– Что ж, изволь, – пожал я плечами, – веди меня.

Посыльный – мне он представился как Бернар – повел меня через хаотичное нагромождение строений, теснящихся внутри крепостных стен. Падерборн был лишь одной из резиденций короля Карла (вторая находилась в Аахене, а третья в Ингельхайме), которую король воздвиг на землях саксонцев как символ своей победы над их союзом. Этим ратным подвигом он расширил свои колоссальные владения так, что они теперь простирались на пол-Европы. Саксонцев король считал хронически ненадежными, а потому Падерборн велел окружить высоким земляным валом с деревянной стеной, внутри которой строения теснились в полном беспорядке. И не всегда было понятно, где здесь казармы, где склады, а где помещения жилые или служебные. Даже дворец государя, куда сейчас вел меня Бернар, был частично резиденцией, частично залом приемов, а отчасти базиликой.

Десятиминутной прогулки мне хватило на то, чтобы внутренне более-менее собраться перед аудиенцией с архиепископом Арном. Его репутация фанатичного поборника государственной воли многих повергала в трепет. Не так давно король Карл избрал его для осуществления тяжелой, тернистой цели: обращения закоснелых в своем язычестве, неудержимых в конном бою и варварски неистовых аваров в христианство, и с некоторых пор Его величество мог, наконец, заявить о покорении этих строптивцев. До этого же они на протяжении поколений когтили своими буйными набегами восток Европы – жгли, грабили, обкладывали людей данью... Базилевс Византии и тот бывал вынужден от них откупаться. Но войско Карла, наконец, сокрушило аваров, и теперь король ждал их повального обращения в истинную веру. В Арне же государь, несомненно, усматривал ту плеть, которой достанет хлесткости перешибить упорство этих язычников, ну а если уместней плети окажется острие меча, то быть по сему.

Внешнее обличье архиепископа, когда я предстал перед ним, вполне вторило ходившей о нем зловещей славе: массивный, грубо отесанный, под стать испещренному царапинами походному столу, за которым он восседал. Все в этом человеке было грубо затупленным – от мощных рук с узловатыми, поросшими рыжим ворсом пальцами до литых плеч и лица, тяжелые черты которого обрамляла коротко стриженная, с инеем проседи борода. В своей простецкой шерстяной котте и шоссях он смотрелся как какой-нибудь каменотес.

На вид ему было лет сорок пять (на десяток зим старше меня), и в его серо-стальных глазах, прицельно сверкнувших на меня из-под кустистых бровей, не было ни намека на приветливость.

– Что ты можешь сказать о римских политиках? – отрывисто бросил он с порога.

Его посыльный, едва меня представив, бесшумно ретировался. Помимо архиепископа, в комнате находился лишь секретарь, который сидел в углу за столиком и, не поднимая глаз, делал записи на воощенной дощечке. Голос архиепископа соответствовал его внешности – эдакое ворчливое скобление.

– Змеиное гнездо, мой господин. Несколько лет назад мне довелось провести там зиму, в составе королевского посольства ко двору багдадского халифа, – ответил я.

– Добавлю, что на сей раз те змеи выказали свои ядовитые зубы.

Я молчал, выжидая, что он скажет дальше.

– Папа Лев прямо на улице подвергся нападению разбойничьей шайки. Его избили, выкололи глаза и отрезали язык, – бесстрастно сообщил подробности Арну.

Видимо, на лице моем выказалась потрясение. Во время своего пребывания в Риме я не раз наблюдал Папу Адриана, предшественника Папы Льва. Люди его страшились, а сам он оберегал свою персону как зеницу ока. С трудом представлялось, чтобы кто-нибудь мог не то чтобы изувечить, а хотя бы поднять руку на наследника престола Святого Петра.

– Кто же на него напал? – спросил я.

– Именно это мне и нужно, чтобы ты выяснил.

Я посмотрел на архиепископа, расширив глаза в изумлении.

А тот снова мрачно загудел:

– Алкуин пишет мне, что у тебя в Риме, прямо в лоне Церкви, есть полезный знакомец.

– Ах да, Павел Номенклатор, – быстро сообразил я. – Он по долгу службы ведал ходатайствами Его святейшеству насчет аудиенций и пожертвований. Мне это тогда несказанно пригодились. Но сейчас этот человек, видимо, уже ушел на покой.

– Может, есть кто-нибудь еще?

Я покачал головой.

Арн поднял со столешницы лист бумаги – исписанный, судя по всему, тем же почерком, что и в полученном мною послании. Только текста там было больше, на целую страницу.

– Выясни, что там произошло на самом деле, причем действуй осмотрительно и быстро, – распорядился мой собеседник.

– Гм, – начал было я, – у меня нет уверенности, что мое давнишнее пребывание в Риме сподобит меня...

– Королевский совет желает знать, кто стоит за тем нападением, – властно перебил архиепископ. – Безопасность и благополучие Его святейшества есть дело государственной важности. Можешь считать это миссией по велению короля Карла.

Я внутренне напрягся. Прекословить воле Карла Великого – да смею ли я?

– Есть ли какие-либо добавочные сведения, способные помочь мне в моих поисках? – смиренно спросил я.

Брови Арна глухо надвинулись на глаза, а взгляд мелькнул на письмо, которое он держал перед собой в руке.

– Алкуин упоминает некие слухи насчет Папы Льва. В частности, сетования о его частной жизни.

– Какого рода слухи? – поинтересовался я осторожно, с нарочитым почтением.

– Что он приторговывает выгодными церковными наделами, а также должностями.

В сущности, ничего нового в нашем брэнном мире. Павел Номенклатор, помнится, к симонии³ внутри Церкви относился как к чему-то вполне естественному и сам успешно грел на этом руки.

Между тем Арн еще не закончил.

– Ходят слухи и об адюльтере, – со значением сказал он.

Я допустил оплошность: усмехнулся.

– Тогда, может статься, на него напал чей-нибудь ревнивый муж?

На мое легкомыслие архиепископ нахмурился:

– Не относись к этому столь ветрено, Зигвильф. – Он возложил свою здоровенную, как лопата, ладонь на ближнюю стопу бумаг и пергаментов. – Вот, взгляни: все эти письма пришли сюда из Рима. В основном они анонимны, но некоторые написаны кое-кем из весьма высоких духовных особ. И все они в один голос сетуют о нечестии и прегрешениях Льва.

– Мне надлежит изучить эти письма с целью выявления подозреваемых? – спросил я.

Это предложение Арн отверг:

– До них очередь дойдет, когда и если королевский совет решит начать формальное расследование грехопадения Папы Льва. Пока же твоей задачей будет разыскать, кто был ответственен за нападение, и незамедлительно сообщить об этом мне, и только мне.

Похоже, аудиенция с архиепископом подходила к концу.

– Мой господин, в Рим я готов отбыть завтра же с рассветом, – сказал я, вставая. Грудь я при этом слегка выставил вперед. Было видно, что архиепископ Арн привычен не только к беспрекословному повиновению своих подчиненных, но и к их расторопности.

– В пути можешь опросить очевидца того злодеяния, – сказал он вдруг.

– В пути?

– Самая короткая дорога на Рим лежит через Ратисбон. По дороге ты встретишь большую депутацию, следующую сюда из Рима. Снег в этом году сошел рано, так что отроги Альп путники уже миновали. Среди них должен находиться некто Альбин.

– Как я его узнаю?

Архиепископ мрачно улыбнулся:

– У него с недавних пор перебит нос. Он распорядитель папского двора, а при попытке защитить хозяина ему прилетело по лицу дубьем.

– Тогда, может статься, среди путников будет и сам Папа Лев?

Губы Арна сжались в две твердые терракотовые пластинки.

– После того, что произошло, Папа опасается за свою жизнь. Осведомители мне сообщают, что он направляется к королю Карлу с прошением о заступничестве. Герцог Сполето, один из самых верных вассалов короля, сопровождает его с эскортом своих солдат.

– Быть может, мне следует опросить еще и Папу?

Арн взмахнул рукой, как будто отгоняя муху:

– Версия событий, подаваемая Львом, скорее всего, недостоверна. Он будет склонен очернять своих врагов, а не излагать правду.

– А Альбин? Он ведь тоже может лжесвидетельствовать и...

Меня осек хладно-проницательный взгляд собеседника.

– В своем письме Алкуин говорит, что ты не глупец. И я рассчитываю, что при встрече с ним ты отличишь истину от лжи.

Архиепископ протянул руку к другому документу на своем столе.

– Пошли мне с дороги отчет обо всем том, что сможешь выведать у этого Альбина, – властно прогудел он. – Мой секретарь снабдит тебя деньгами на дорожные и сопутствующие расходы. Взятки давай по минимуму.

³ Симония – продажа и покупка церковных должностей или духовного сана.

Из его покоев я вышел, тихо проклиная Алкуина за то, что он втравил меня в это дело. От Падерборна до Рима было больше двух тысяч миль, а беды Папы Льва меня ничуть не задевали. Я прекрасно себя чувствовал, влача свою теперешнюю непритязательную рутинную службу. В самом деле, от меня требовалось единственно являться на нечастые смотры, худо-бедно упражняться в верховой езде и владении оружием под окрики сержанта да ошиваться где-нибудь на краю королевской свиты. При таком раскладе у меня оставалась уйма свободного времени на помощь хранителям королевского зверинца в часы кормежки. Становиться же соглядатаем архиепископа у меня не было ни малейшего желания.

* * *

Канцелярия Арна снабдила меня верительной грамотой *missi* — посланника, находящегося в дороге по заданию короля, — так что теперь по пути в Ратисбон и далее я мог реквизировать лошадей. Свиту Папы Льва я застал на отдыхе в монастыре возле альпийского предгорья, куда они вышли после горных переходов. Монастырь представлял собой скромное строение, расположенное на шпоре возвышенности с видом на дорогу. Каменной здесь была только часовня, а все прочие строения были из местного дерева, под кровлей из теса, выцветшего в грязновато-серый цвет, сливающийся с окружающей каменистой местностью. Прибыл я незадолго до полудня, когда подворье было уже заполнено до отказа, однако королевский эдикт обязывал хозяев обеспечить посланника кровом и пропитанием. Что-то вполголоса бормоча, монах с несколько растерянным видом показал угол, отведенный мне для ночлега на соломенном тюфяке. Затем он провел меня в монастырскую трапезную, попутно объяснив, что при таком количестве папских постояльцев прием пищи осуществляется здесь в два захода. Зайдя в длинную узкую палату, я довольно быстро признал Альбина по изломанному носу и изжелта-зеленым синячищам на лице. Он и его товарищи уже заняли места за столом. Извинившись за опоздание, я втиснулся рядом с ним на скамью.

— Тебе тоже подать? — спросил я, беря в руки ржаной каравай и отламывая краюху.

— Спасибо, не надо, — прошепелявил Альбин. — Мне недавно выжибли зубы, так что корка жестковата будет.

Он осторожно, с хлюпом, хлебнул с ложки капустную похлебку.

— Как это тебя угораздило? — спросил я оживленно, вроде как для красного словца.

Среднего роста, с покатыми плечами, мой сосед по столу держался, как говорится, тише воды ниже травы. В компании на таком взгляд и не остановится.

— Ты, должно быть, слышал о нападении на Его святейшество? — проямлил он между хлебками.

— Только краем уха. Я ведь держу путь из северных земель, — соврал я. — Расскажи мне, как все было.

— Да чудовищно! Толпа негодяев на Виа Лате прорвалась сквозь людское скопище, прямо перед церковью Святых Стефания и Сильвестра. У всех на глазах они сбили святого отца с ног как раз в тот момент, когда тот собирался возглавить шествие к месту Большой литании. Прямо мороз по коже.

Излагая свою историю, Альбин становился все более оживленным. Он уже сидел прямо и смотрел на меня с острым волнением в глазах. Вероятно, это происшествие он пересказывал уже отнюдь не впервые.

— Это тогда тебе и досталось? — спросил я его.

— В аккурат да, — приостановил он свое повествование. — Но мне-то еще ничего по сравнению с Его святейшеством... Те негодяи выкололи ему глаза и отрезали язык. Так что ему еще повезло, что он остался в живых.

Ужас на помятом лице Альбина в своей наигранности смотрелся слегка театрально. Контрастом воспринимался и его голос, громкий, но до странности ровный, как будто бы он описывал что-то довольно заурядное.

– И ты все это видел? – воскликнул я заворуженно, таким образом подначивая его продолжать.

– Да нет. Я был в полубесчувствии. Меня же вон как приветили!

– Что же случилось с Папой?

– Исчез. Когда я вернулся с папской стражей, его не было и следа. Только пятна крови на мостовой, где его столь жестоко изувечили.

– И что же ты стал делать?

– Я, можно сказать, обезумел. Начал дознаваться, как да что, а на завтра пришла весть, что Папа не мертв, а упрятан в узилище где-то в монастыре на Целиевом холме.

Насчет этого Арн мне ни словом не обмолвился, а между тем это могло сказаться на всем ходе моего дознания.

– Как же он там оказался?

Уголки губ Альбина опустились, а сам он одновременно скруглил и поднял плечи – жест, который у римлян выражает озадаченность.

– Вероятно, туда его утащили те богохульники. Разумеется, едва мы прознали, где он находится, как тут же организовали спасение. Я лично направился туда с отрядом папских стражников и кое с кем из братии.

Он огляделся, словно приглашая соседей по столу внять его рассказу.

– Мы отправили весть в монастырь, где были люди, столь же удрученные происшедшим, как и мы. Позже, тем вечером, Папа Лев был спущен к нам из окна на веревке. Мы ждали на улице внизу и незамедлительно переправили его в безопасное место.

– Чудо, – истово выдохнул я, – просто чудо! Не иначе как на святого отца взирали сами ангелы. Опустить из окна человека – слепого, безъязыкого – поистине кажется деянием за гранью возможного.

Альбин со стуком опустил ложку. Оглядевшись, он неожиданно придвинулся вплотную и ухватил меня за запястье.

– И это чудо, скажу я тебе, было не единственным, – жарко прошептал он. – Когда Его святейшество пребывал в своем темном узилище, к нему туда явились ангелы. Касанием перстов они восстановили ему зрение, а язык у него по их дуновению опять отрос.

Я сидел якобы в оцепенении, выжидая, когда он продолжит.

– Когда мы приняли Папу, он был избит и изранен, но при этом мог видеть и разговаривать! – воздев перст, выпренно воскликнул мой новый знакомый.

– А сейчас он где? – спросил я, надеясь, что звучу с достаточной долей изумления. – Неужто здесь, в этом монастыре?

Альбин выпустил мою руку.

– Сейчас он трапезничает с герцогом Сполетским в частных покоях аббата. Его святейшество предпочитает уединение. И при этом смиренно молится о прощении своих врагов.

– Да-а... – покачивая головой, протянул я. – Вот это история...

Пока Альбин говорил, монастырский служка поставил передо мной горшок с похлебкой. Я уставился сверху вниз на пищу, чтобы папский хозяин двора не мог разглядеть в моих глазах сомнение.

Несколько позже в тот вечер я полностью изложил историю Альбина на бумаге и оставил ее у службистов герцога Сполетского, распорядившись передать письмо архиепископу Арну сразу же по приходе папской делегации в Падерборн. Люди герцога, вне всякого сомнения, прочтут мой доклад, ну да ничего. Рассказ я изложил точь-в-точь в том виде, как услы-

шал его от Альбина, в расчете, что змеиная мудрость и скептицизм архиепископа рассудят, насколько это повествование правдиво.

Глава 3

ГЛАВА 3

Рим – июль, первая неделя

В Рим я прибыл спустя ровно пять недель после моего выхода из Падерборна. Путешествие прошло в целом благополучно. Выдавая себя за зажиточного паломника, я снял удобную комнату в недавно построенной гостинице всего в пяти минутах ходьбы от собора Святого Петра. Соседи здесь только и судачили, что о нападении на Папу Льва, хотя насчет того, кто за этим стоял, они терялись в догадках. Разглагольствовать их тянуло единственно о чуде восстановленных глаз и языка Папы. Мало-мальски полезным сведением из тех, что мне удалось по крупицам собрать, была фраза, случайно оброненная хозяином гостиницы. Он упомянул, что знатные семейства Рима брюзжат насчет нахождения Папы Льва во главе Церкви. Когда я прижал его с требованием объясниться, он сказал, что происхождения Лев достаточно скромного, что, по мнению аристократии, подрывает авторитет всемогущего ведомства. Иными словами, многие высокородные римляне считают его за проходимца (повод, на мой взгляд, все же недостаточный, чтобы избивать духовную особу до полусмерти). Предпочитая, впрочем, не совать нос во все сразу, я решил вначале добиться встречи с Павлом Номенклатором и уже тогда расспросить его, что может лежать за такого рода ремарками.

Время для посещения Вечного города было на редкость удачным. Погода стояла превосходная: ночью опускалась умеренная, благостная для сна прохлада, а поутру становилось настолько тепло, что оказалось возможным оставить мой шерстяной франкский плащ в комнате и облачиться в легкую котту из льна. Переодевшись, я прогулочным шагом напра-

вился от площади Святого Петра вниз, в хитросплетение римских улиц. Моей целью было подробно осмотреть то место, где на Льва было совершено нападение. По дороге я миновал глыбищу замка Сант-Анджело, пересек каменный мост над грязными водами Тибра и двинулся через узкие трущобные улочки и проулки, где в обшарпанных многоэтажных домах ютилась римская беднота. Скученность там царила такая, что мелкие балкончики выпирали чуть ли не впритык друг к другу, словно и они боролись меж собой за место под солнцем, кое-как проникающим в замызганные, смердящие нечистотами улочки. Город, собственно, остался таким, каким я его и запомнил, – грязным, обветшалым, донельзя запущенным. Величавые памятники былой славы либо развалились сами, либо ушлый плебс растаскал их на строительство. Многие церкви и монастыри были попросту переделаны из гораздо более древних языческих храмов, а более новая доходная застройка сориентирована на продажу и сдачу паломникам. Торговля с приезжими расцветала здесь буйным цветом. Куда ни глянь, всюду тянулись бессчетные лавки со всякими безделушками, дешевые харчевни, таверны и лотки менял. Знаменитая Виа Лата, в противовес своему названию, была не такой уж и широкой – не больше трех туазов шири. Прямая как стрела, она была вымощена отполированными до блеска щербатыми булыжниками, уложенными еще в древние времена. Дойдя до базилики Святых Стефания и Сильвестра, перед которой произошло нападение, я обнаружил, что она является частью гораздо более крупной, слитной группы зданий. Скопление обветшалых классических строений успело со временем превратиться в жилой квартал, именуемый местными жителями словом «палаццо».

По словам Альбина, нападение на Папу случилось средь бела дня, при стечении народа, а затем Лев исчез. Базилика была самым ближним местом, куда нападавшие могли оттащить свою жертву, поэтому я пересек улицу, толкнул дверь и беспрепятственно зашел внутрь.

Внутри пространство оказалось даже более обширным, чем можно было подумать, глядя снаружи. Я оказался в изначальном атриуме с мраморным полом, центр которого был открыт небу. Темно-красные столпы гранитных колонн подпирали окружающую черепичную крышу. Справа и слева находились закрытые двери, а непосредственно передо мной находился вход в саму церковь. На ближайшей ко мне дверной притолоке виднелись надписи красными и золотыми буквами. Я подошел и прочел список имен – это оказался своеобразный именной перечень святых и мучеников, всего более двадцати. Поверху золотом значились Стефаний и Сильвестр. Многие имена в списке были мне незнакомы, а самое нижнее – *Maximus*, – судя по всему, было добавлено недавно.

Я как раз вглядывался в список, когда из глубины церкви выплыл человек в поношенной монашеской рясе. Лицо его, некогда пухлое и округлое, обвисало мешочками похожих на жабры брыльев, и вид у него был печальный, осунувшийся. Подрагивая жабрами, он объяснил, что за небольшое воздаяние готов показать мне фиал со святой водой, которой преподобный Сильвестр некогда излечил от проказы императора Константина.

Латынь священника была неспешной и нарочито разборчивой. Вероятно, во мне он углядел паломника-иноземца, которые все как один по-латыни говорят неважнецки.

– Боюсь, что денег со мною совсем немного, так, мелкая горстка монет, – отвечивал я незлобиво. Латынью я овладел еще в отрочестве, а при дворе короля Карла она была вполне в ходу, так что изъяснялся я без труда. – Меня предупредили соблюдать в городе осторожность: как бы кто не подрезал или не отнял кошель.

– Фиал у нас тут – далеко не единственное, – с туманной улыбкой заманивал меня священник. Его крючковатый палец указал на имена, что значились на дверном косяке. – Это у нас святые великомученики, реликвии которых взяты из усыпальниц и помещены на хранение в нашей молельне. Они также открыты взору.

Вообще-то осмотреть церковь изнутри тоже не мешало, поэтому я положил на протянутую ладонь священника пару местных медяков. Судя по тому, как мимолетно усмехнулись его толстые губы, сумма подаяния вызвала у него насмешку, но тем не менее он провел меня внутрь. После яркого атриума глаза мои с минуту привыкали к серому сумраку интерьера. Мой провожатый – судя по всему, это был церковный сторож – явно экономил на свечах: зажжено было всего несколько. Я проследовал за ним в дальний конец нефа, где ступени вели наверх, в молельню. Там на уровне глаз в стене тянулся ряд ниш, каждая локтей пять в ширину и три в высоту, забранная железной решеткой. Служитель церкви остановился у четвертой ниши. Зазоры меж толстыми прутьями позволяли заглянуть внутрь, где по бокам чадили два масляных глиняных светильника и пахло душной застарелой пылью, а посередине виднелся хрустальный сосуд с чистой прозрачной жидкостью.

Перед сосудом лежали какие-то узкие полоски кожи.

– Уздечка лошади преподобного, – учтиво сказал церковник.

Затем, под моим неотрывным взглядом, он счел необходимым сделать пояснение:

– В благодарность за свое исцеление император Константин напросился святому в конюхи и пешком пошел впереди, ведя лошадь Сильвестра вот за эту самую узду. – Сторож многозначительно помолчал. – За небольшую надбавку могу позволить за нее подержаться.

– А можно за эту надбавку еще и пройтись по остальному зданию? – поинтересовался я.

Мой собеседник, очевидно, сделал вывод, что нечего ублажать дальнейшим вниманием эдакого скрягу.

– Обитель оная – частное владение, – сказал он назидательно.

– А я проделал большой путь, чтобы усладиться здешними видами, – искоса посмотрел я на него.

Но церковник-сторож бесцеремонно оборвал меня:

– Базиликой ведает примыкающий сюда монастырь – я, между прочим, из него, – и моя братия не принимает обычных богомольцев. Кто хочет видеть остальное здание, должен иметь при себе приглашение от семейства.

– Что за семейство?

– Это палаццо, – с утомленным вздохом пояснил церковник, – уже которое поколение принадлежит тому самому знаменитому семейству, что дало нам двух Пап: Стефания – третьего с этим именем – и его брата Павла. Последний же в благости своей и от своих щедрот отдал это крыло под церковь Святых Стефания и Сильвестра.

Было ясно, что этот пройдоха не даст мне свободно разгуливать по зданию.

– Тогда, быть может, ты пособишь мне еще в одном деле? – спросил я. – Не можешь ли ты указать, где я могу найти номенклатора Павла, служившего у Папы Адриана?

Старый церковник оглядел меня зорко и недоверчиво.

– Насколько мне известно, он живет там же, где и всегда. – Его настороженные колючие зрачки прошлись по мне еще раз. – Однако если ты собираешься к нему за каким-нибудь благодеянием, то скажу сразу: по восшествии нашего нынешнего Папы Льва Павел ушел в отставку.

– Благодарю тебя. Тогда я знаю, где его искать, – сказал я и повернул на выход в сторону улицы. У себя на спине я по-прежнему чувствовал буравчики глаз старого прощельяги. Он сейчас, должно быть, недоумевал, как этот явный чужак может водить знакомство со столь высокопоставленным членом, пускай и бывшим, папского ведомства.

Вновь выйдя на яркий свет Виа Латы, я направил свои стопы к знакомым очертаниям Колизея. Там я некогда провел зиму со своими полярными медведями и другим зверьем на пути в Багдад – да-да, прямо там мы и обитали! Через три сотни шагов я свернул на боковую улочку и двинулся по ней вверх, к части города, именуемой местными не иначе

как *disabitato* – «необитаемая». Целые районы этого необъятного древнего города оказались заброшены из-за оттока населения ближе к нынешнему столичному центру. Среди полуразвалившихся, поросших бурьяном и чертополохом домов я заприметил одну-две каменно-ломни и мастерскую по обжигу кирпича, но в большинстве своем люди здесь, похоже, начали вновь кормиться от земли. По дороге мне то и дело приходилось огibtать небольшие делянки с овощной рассадой и шаткого вида курятниками, а также преобразованные в виноградники сады, где к тесно растущим лозам лепились незрелые зачаточные ягоды. Встречались и огороды, где брошенные смоковницы оказались облюбованы козами: балансируя на ветвях, эти худосочные создания сжевывали с них листья. Между тем кое-где среди этого запустения попадались прекрасно сохранившиеся дома и постройки. Как раз один из таких домов принадлежал моему другу, бывшему номенклатуру, и этот дом я тотчас узнал. Внушительное квадратное строение из ржаво-красного кирпича – можно сказать, вилла – было некогда жилищем видного римского семейства. Вдоль всего фасада строения шла колоннада, из-под сени которой за моим приближением сейчас наблюдали двое слуг. К дому вела широкая ухоженная дорожка из гравия, а вдоль нее по обе стороны тянулись неведомо где и как спасенные останки древних статуй – мраморные торсы без рук и ног, отделенные от тела головы с пустыми глазами и отколупанными носами. Был там и постамент, подпирающий одни лишь громадные ступни в сандалиях, а еще треснутая панель саркофага со сценами охоты – все, что уцелело, несмотря на безжалостное время, и оставалось предметом непреходящей страсти моего друга к истории своего города.

Павел с той поры изменился не сказать чтобы сильно – это был все такой же коренастый коротышка, только седины в его волосах стало больше, а самих волос меньше: как-никак он разменял шестой десяток. Кожа его была бледной, вся в тоненьких прожилках и пятнышках – тоже ничего нового. Судя по отечным мешкам под глазами и лиловатому носу, похожему на сливу, своему пристрастию к вину мой давний знакомый тоже не изменял. Вместе с тем его взгляд не утратил ни остроты, ни лукавинки, да и задорности в нем тоже по-прежнему хватало. Остался и знакомый тик: проходила минута-другая, и часть его лица непроизвольно дергалась, как будто он заговорщически подмигивал решительно всем и вся.

– Зигвульф? – с улыбкой удовольствия и недоумения встретил Павел мое приближение. – Ай да диво! Рад, рад снова видеть тебя в Риме!

Одновременно с возгласами он убрал под мышку какой-то свиток.

Слуга без слов завел меня в дом и препроводил в боковую комнату, где бывший папский номенклатор держал свой персональный архив. Поднимаясь на ноги, Павел бросил свиток на стол, где тот мгновенно скрутился тугим рулоном.

– Ну, рассказывай, как ты и какими к нам судьбами? – энергично встряхивая мне руку, уже вблизи продолжил приветствие хозяин дома. От меня не укрылось, что он, несмотря на свою отставку, по-прежнему облачен в одеяние духовной особы.

– А ну-ка, друг мой, – слегка отстранившись, он смерил меня добродушно-взыскательным взглядом. – Слушай, а ведь ты начал сидеть! Хотя всего ничего, самую малость. А так ты ладен и крепок – и выглядишь молодцом.

– Ты тоже не особо изменился, – сказал я ему. – И как так сложилось, что ты по-прежнему занимаешь эту великолепную виллу?

Я приязненно оглядел комнату. Стены ее были расписаны оригинальными фресками – беспечными сценами из сельской жизни: поля, коровки-овечки, сбор урожая...

– Когда я последний раз был в Риме, ты вздыхал, что пользование этим роскошным домом тебе дано лишь на время, так как прежний хозяин пожертвовал его Церкви, так что быть ему вскорости монашеской обителью, – напомнил я бывшему сановнику.

Тот улыбнулся с лисьим лукавством:

– Бывает, знаешь ли, что время ползет черепахой. И ничто не становится столь постоянным, как временное. Эти *скриниарии* – чернильные души в папском секретариате – все не могут разыскать документ, позволивший мне занять это здание. Ну а пока они этого не делают – или хотя бы не раздобудут достоверной копии, – выселить меня отсюда они не могут.

Меня отчего-то щекотнуло подозрение, что сей судьбоносный документ благополучно засунут куда-нибудь в тайничок прямо в этой комнате, где мы сейчас стоим.

Павел, оглядывая меня с прищуркой, чуть накренил голову:

– Ну а какими же ветрами, Зигвильф, занесло тебя сюда? Наверное, что-нибудь, связанное с нашим общим знакомым? Я слышал, он вышел в епископы... кажется, Тура?

– Косвенно Алкуин действительно стоит за моим визитом, – чистосердечно признался я, как бы невзначай бросая взгляд на открытый вход в переднюю.

Мой товарищ намек понял и, подойдя к массивной двери, захлопнул ее, после чего возвратился и жестом указал на второй стул возле стола:

– Присаживайся, друг мой.

– Мне тут сказали, ты уже больше не номенклатор? – сев, деликатно поинтересовался я.

– Был им, но, как видишь, отправлен в отставку Папой Львом вскоре после его избрания. Разумеется, у него на эту должность имелся свой человек. Ну а я, понятное дело, не роптал. Так уж заведено в среде папских канцеляристов.

– А скажи мне, – спросил я напрямик, – каков он, Папа Лев?

Брови Павла подались в стороны. Он поглядел на меня обволакивающим взглядом.

– Каков? – переспросил он. – Да ничего особенного и не скажешь. На вид человек невзрачный и посредственный. Но хитрый. А стало быть, недруги его недооценивают.

– Я слышал, в благородных семействах Рима он непопулярен.

– Это как-то связано с твоим прибытием сюда? – Старый знакомый чуть подался ко мне на своем стуле. В его голосе неожиданно прорезались резкие нотки. – Герцоги, графы и прочая знать Льва весьма недолголюбивают – более того, презирают, поскольку он не из их числа. В папскую администрацию он пролез, будучи еще скромным молодым алтарником, но постепенно пробрался на самый верх, усадив свой плебейский зад на трон святого Петра.

– Как же ему это удалось? – удивился я. – Неужели аристократии Рима не хватило сил преградить ему дорогу?

Павел, сменив позу, откинулся на спинку стула:

– Для них этот ловкач оказался слишком проворен. Избрался на престол спустя всего сутки после кончины своего предшественника. – Бывший номенклатор смешливо фыркнул: – Почву подготовил, как надо. И проголосовали за него почти единогласно. Должно быть, он вложил в это немало средств.

– То есть он скупил голоса?

– Ну а как иначе? – хмыкнул Павел. – Годы ушли на то, чтобы ключевые места в его канцелярии заняли палатинцы⁴, ну, а если не персоны из самого Латеранского дворца⁵, то, во всяком случае, те из них, кто за свое продвижение отсыпал ему преизрядные суммы. А потому, когда дело дошло до выборов, они не захотели лишиться своих вложений и быть выставленными из канцелярии Папой, не получившим от них достаточной, по его разумению, мзды.

– Это и есть причина, по которой я нахожусь здесь, – раскрылся я. – У члена королевского совета, архиепископа Арна Зальцбургского, лежит целая кипа писем от церковников Рима. Льва они обвиняют во всех смертных грехах – от симонии до адюльтера.

Брови на круглом, в синеватых прожилках лице моего собеседника взметнулись вверх:

⁴ Палатинцы – имеется в виду партия дворцовой знати (по названию центрального из семи холмов Рима).

⁵ Латеран – дворец Папы в Риме.

– Такую репутацию надо было еще заработать!

Однако мой тон оставался серьезным:

– Арн желает знать, связаны ли как-то обвинения против Папы с тем апрельским нападением на него. По рекомендации Алкуина выяснить это дело послали меня. Ты же был указан в качестве полезной связующей нити.

Павел с полминуты помолчал.

– Ну а если, скажем, имена тех обидчиков будут установлены, что тогда? – спросил он негромко.

– Этого пока не решено. Я здесь лишь затем, чтобы потихоньку собрать сведения. Ты можешь мне в этом?

Последовала еще одна пауза, после чего мой старый друг с саркастичной усмешкой произнес:

– Конечно, я помогу тебе, Зигвильф... Безделье стало мне понемногу наскучивать. А в книге пословиц есть одно весьма мудрое изречение: «У Господа для его промысла припасено все, даже зло на черный день».

Он неторопливо поднялся:

– Но сперва давай подкрепимся. Как раз в это время дня у меня главная трапеза. Никаких излишеств: пищеварение у меня уже не то, чтобы злоупотреблять скоромным.

* * *

За копченой рыбой с соусом из фенхеля, а также хлебом и фруктами я поведал Павлу о том, что мне рассказал Альбин, и о своем посещении церкви Святых Стефания и Сильвестра.

– Я рассчитывал осмотреть ту церковь изнутри. Мне думается, что налетчики могли вначале затащить Папу туда, пока не показалась стража.

– То здание было некогда храмом Непобедимого Солнца, – рассказал хозяин дома, ловко отделяя от костей мясо сардинки. – А теперь это обитель Бога и монастырь, которым управляют приехавшие из Константинополя греки.

– А не могло ли у греков быть каких-то своих счетов со Львом, которые они вознамерились свести? Ведь та расправа по своей пылкости вполне в их духе, – заметил я.

– Ты имеешь в виду то, что они попытались выколоть ему глаза и отрезать язык?

– Да. Ведь так, кажется, заведено у греков Византии, когда они желают низложить неугодного им императора?

Признаться, я размышлял над этим во время своего неблизкого пути из Падерборна.

Бывший номенклатор возложил очищенную от костей рыбу на ломоть хлеба.

– Помнится, именно такой каре подвергла своего сына Константина императрица Ирина, чтобы захватить себе всю полноту власти. Ослепила его и заточила в монастырь.

Он откусил от хлеба с рыбой и, пожевав, продолжил:

– Однако есть существенная разница: язык Константину греки не отрезали. Ослепить его ослепили, но горящими угольями, а не острием ножа. – Он издал степенную отрыжку. – И свое дело они сделали успешно. Константин у них на этом свете не задержался: ушел в считанные дни.

Я понял, куда клонит собеседник, и сказал:

– Стало быть, тебе не верится, что Папе Льву в его заточении явился ангел и восстановил ему речь и зрение?

– Возможно, это было некоторым домыслом со стороны Папы и его приближенных. А что, рассказ чудесный! И привносит ореол святости в дурно пахнущую, в общем-то, историю. – Павел промокнул рот льняной салфеткой. – На мой взгляд, версия об участии в нападении греков несколько надуманна. Из того, что рассказал тебе Альбин, следует, что напа-

давшие на Папу были просто наймитами из трущоб. При желании их, в общем-то, можно выследить.

– У тебя есть среди таких людей связи?

В моем голосе сквозило удивление вперемешку с надеждой.

– Разумеется, не прямые, – ответил бывший сановник уклончиво. – Ты, вероятно, припоминаешь, что в бытность мою номенклатором я, помимо прочего, занимался возвращением реликвий раннехристианских мучеников. А это подразумевало выход на целый ряд посредников, имеющих дело с запретным товаром из мест погребения. Так что, может статься, они о чем-то таком наслышаны.

Павел жестом подозвал слугу, чтобы тот убрал со стола посуду.

– Возвращайся сюда дня через три, друг мой. Быть может, к той поре у меня будет чем с тобой поделиться.

Когда мы поднимались из-за стола, я поблагодарил его за помощь и гостеприимство.

Бывший номенклатор лишь отмахнулся:

– Друг мой Зигвильф, этим городом заправляют три группировки – знать, купцы и духовенство. Из них самая пронырливая действует в кулуарах Латерана. Если выяснится, что кто-нибудь из тех негодяев, что участвовали в нападении, окажется замешан и в попытке выселить меня из этой уютной резиденции, то я буду щедро вознагражден. Вернее сказать, отмщен.

– Даже если Арн и прочие члены королевского совета ничего против них не предпримут?

Павел снисходительно усмехнулся:

– Приведу еще одно изречение: «Дом праведника стоит и тогда, когда неправедные рушатся».

Глава 4

ГЛАВА 4

Три дня прошли ни шатко ни валко. Когда я возвратился на виллу Павла Номенклатора, тот ждал меня в компании смуглокожего человека среднего роста, чьи мелкокурчавые волосы по бокам были обриты: посередине его головы пролегал лишь гребень шириной в пятерню. От этого вид у него был варварски устрашающим. А еще у него была широченная шея – я таких, право, и не видывал. Могучая, она начиналась сразу под ушами, шла вниз и плавно переходила в широченные покатые плечи. Свободная внапуск туника не скрывала объемистой, как бочка, груди.

– Зигвульф, – с ходу начал хозяин дома, – я бы хотел познакомить тебя с Теодором. В прошлом он бывал мне весьма полезен в тех случаях, когда приходилось иметь дело с особенно несговорчивыми согражданами.

Я учтиво кивнул новому знакомому. Он поглядел на меня совершенно бесстрастно. Глаза у него были темно-карими, почти черными.

– Теодор живет в квартале близ Марсова поля. Он говорит, что в конце апреля одна из тамошних уличных банд направо-налево сорила деньгами. По его подозрению, этим вырождакам было заплачено за какую-то прибыльную, а значит, важную работу.

– По времени это определенно совпадает с нападением на Папу Льва, – кивнул я.

– Теодор знает, где можно разыскать одного из главных заводил того отребья. Звать этого мерзавца Гавино.

Я снова вскользь глянул на смуглого здоровяка. Он до сих пор не шевельнул ни мускулом, а на меня смотрел пристально-немигающим взглядом, под которым делалось неуютно.

– Этот Гавино что, представляет для нас некий интерес? – осведомился я у Павла.

– Думаю, да. – Мой друг запустил руку за пазуху своей ризы и вынул оттуда какую-то плоскую металлическую вещицу, дюйма три в длину и два в ширину. – Вот это Гавино принес одному из дельцов, промысляющих краденными из захоронений ценностями.

Павел протянул мне эту вещицу. Это была поясная бляха – золотая, с резным орнаментом. Посередине на ней было литое изображение грифона – полульва-полуорла.

– Ух ты! Откуда это? – удивился я.

– Судя по характерному стилю, из клада аваров.

Сокровища аваров... Переспрашивать не было нужды. Когда войско короля Карла под началом герцога Фриульского сокрушило последний оплот аваров, оно сделало там ошеломительную находку: множество ларцов с золотыми солидами – монетами византийской чеканки.

Всем было известно, что уже издавна императоры Византии платили аварам подобие дани за то, чтобы те их не трогали. В некоторые годы плата доходила до ста тысяч золотых монет. Драгоценного металла у аваров скопилось столько, что они даже не знали, куда его девать. Лишь малая его часть шла на переплавку, после чего за дело брались аварские золотых дел мастера и выковывали различные вещицы: накладки на шлемы и уздечки, поясные орнаменты, украшения для стремян, оружия и доспехов... Остальное так и оставалось в виде монет. Сокровища аваров доставили королю Карлу на пятнадцати обозных телегах, доверху заваленных мешками с золотыми динариями. Этот груз с лихвой окупал все затраты на войну.

– Как же эта вещь попала в руки римского разбойника? – задал я вопрос, крутя пряжку в руках. Работа была добротная, хотя не сказать чтобы тонкая. Кстати вспомнилось, что король Карл изрядную долю трофейного аварского добра отослал в Рим, в знак признательности Церкви.

– Это вопрос, который я попросил Теодора задать напрямую Гавино, – ответил мой друг. – Причем без промедления. А то как бы он, узнав, что Теодор имеет к нему вопросы о появлении этой бляхи, не сделался бесплотным и бессловесным.

Эта ремарка заставила меня призадуматься насчет репутации Теодора среди римского отребья.

– Если эта вещь была частью оплаты Гавино за нападение на Папу, то я бы не возражал присутствовать при расспросах, – сказал я, возвращая бляху.

Павел, пряча вещицу в потайной карман, поглядел на меня с хитрецей:

– Именно этих слов я от тебя и ждал. Однако Теодор вряд ли пожелает взять тебя с собой. Гавино обитает в очень... я бы сказал, *крайне* беспокойном квартале.

Я попробовал взроптать:

– Если уж на то пошло, у меня за плечами выучка кавалериста в войске Карла! Если бы ты одолжил мне добрый меч, я бы смог постоять за себя.

– Про меч, Зигвильф, и думать забудь. Всякий, кто заходит на Марсово поле препоясанный мечом, напрашивается на беду. Среди трущоб в ходу кинжалы. – Отставной номенклатор насмешливо прищурился и добавил: – Я уговорил Теодора взять тебя на Марсово поле, если ты наденешь вот это.

Он хлопнул в ладоши, и в комнату вошел слуга, несший перед собой солдатскую кольчугу.

– Где вы такое раздобыли? – воскликнул я, когда кольчугу протянули мне для осмотра. Вещь была поистине древней, с проржавленными кольцами, а ее кожаный подклад зеленел плесенью. И форма, и вид намекали на многовековой возраст.

Павел хохотнул:

– Спору нет, вещь старинная, но уберечь от ножа тем не менее может.

Я недоуменно уставился на него.

– Мне ее пытался всучить один мошенник, – объяснил бывший сановник. – Говорил, что нашел ее в христианской могиле и что это и есть та самая кольчуга, которая некогда была на святом Ипполите – римском воине, за веру разорванном надвое лошаадьми.

Я принял кольчугу и осмотрел ее более внимательно. Под ржавчиной и плесенью она была, в общем-то, в целости.

– Попытка состарить это изделие удалась не ахти, – отметил Павел. – Ржавь здесь только на поверхности и легко оттирается. Могу также заверить, что и строение колец не соответствует заявленной эпохе.

Я покосился на Теодора.

– Если я ее надену, тебя это устроит? – спросил я.

Тот в ответ неохотно кивнул.

– Нацепи под свой балахон, – сказал он и поглядел вверх, на безоблачное небо. – Застать Гавино в его лачуге надежней всего среди дня. Он, как и все они, прячется от света солнца. Так что пора в путь.

* * *

На пути к центру города мне пришлось вспомнить, как тяжело давит на плечи кольчуга. Когда едешь верхом, ощущение это не столь заметно, а вот при пешей ходьбе оно становится поистине обременительным. Теодор посоветовал мне сместить побольше веса на бедра, а для этого ту же затянуть пояс. И тем не менее к той поре, как мы поравнялись со значными местами Марсова поля, я уже натер себе плечи до кровавых ссадин. Между тем мой спутник скупно произнес, что внимания нам следует привлекать как можно меньше. Сам он поверх своей необычной прически напялил широкополую соломенную шляпу. Оружия при нас не было. В план входило непринужденно подойти к пятиэтажному многоквартирному дому, где на нижнем этаже обитал этот самый Гавино, расспросить его насчет золотой бляхи и убраться подобру-поздорову, пока о нашем визите не прознали его дружки-головорезы. Как именно думал Теодор проводить дознание, мне известно не было, и по дороге я прикидывал, сможет ли зловещая репутация моего спутника развязать разбойнику язык настолько, что он выдаст нам все необходимые сведения. Честно говоря, я в этом сомневался.

Мы ступили в трущобы – лабиринт узких кривых улочек, иногда настолько тесных, что двоим не разойтись. Строения имели вид облупленный и убогий. В основном это были трех- и четырехэтажные дома с грязными стенами, испещренными надписями и непристойными картинками. Подножия стен были в черно-зеленых пятнах плесени. Теодор указал на своеобразные метки, оставляемые паводками, когда мутные воды Тибра из года в год в канун весны выходят из берегов. Везде виднелись смрадные груды мусора. Тощие кошки пробирались через открытые сточные каналы, а своры лохматых собак обнюхивали там вздувшиеся, неузнаваемые в своей гадкости предметы. В воздухе воняло отбросами, гнилью и кое-чем похуже. Грубо намалеванные вывески указывали на лавки и таверны, хотя в середине дня большинство их было закрыто, а зной загонял людей под крыши. Тут и там шныряли стайки малолетних оборванцев, а несколько неряшливого вида женщин тащили ведра с водой. Павел, помнится, говорил, что многие из акведуков, некогда снабжавших город водой, от ветхости пришли в негодность. Народ обходился водой из местных колодцев и в чем мог тащил ее по домам.

Мы якобы непринужденно шли прогулочным шагом. Из-под широких полей шляпы мой спутник то и дело чутко поглядывал из стороны в сторону, проверяя боковые проулки. Раз или два он заводил меня в подворотни, и мы приостанавливались, выжидая, не идет ли кто за нами следом. Вскоре я совершенно перестал ориентироваться. Мы были уже глу-

боко в тенетах улиц, когда Теодор неожиданно метнулся в такой узкий закоулок, что я едва втиснулся следом за ним. По обе стороны от нас вздымались замызганные стены каких-то вековой давности складов, переделанных под жилье. От едкой, всепроникающей вони мочи першило в горле. Откуда-то сверху из открытого окна доносились сварливые голоса: шла перебранка между мужчиной и женщиной, резким эхом отскакивающая от стен.

Через дюжину шагов вдоль закоулка Теодор своим мясистым плечом налег на дверь и тихо выломал запор. В подворотне он по щербатым ступеням лестницы поднялся на этаж, где повернул в короткий коридор с полудюжиной дверей.

Ступая легко и бесшумно, мой спутник остановился перед третьей дверью и постучал. Я ждал в полушаге за его спиной. За одной из дверей орал младенец. Пахло вареной капустой. На стук Теодора никто не откликнулся, и я уже подумал было, что мы зря потратили время. Осторожно прислонясь к стене, я попытался хотя бы мысленно отрешиться от несносного веса кольчуги у себя на плечах.

Теодор постучал снова, более настойчиво, и из-за двери впервые откликнулись. Слова, судя по всему, произносились на местном римском диалекте, но было понятно, что хозяин жилья велит нам убираться. В ответ мой новый знакомый пробормотал что-то невнятно-просительное и постучал в третий раз. На этот раз в ответ, по всей видимости, послышалось что-то ругательное, и к двери изнутри зашлепали шаги.

Дверь приотворилась, и в щели проглянуло заспанное небритое лицо с черной щеткой щетины и рябью оспин на щеках и подбородке. Взгляд открывшего нам человека остановился на Теодоре. Его припухшие со сна глаза тревожно распахнулись, а сам он дернулся назад, одновременно захлопывая дверь. Однако нежданный гость опередил его: сунув в зазор ногу, он налег на дверь и ворвался внутрь.

Гавино – а это, похоже, был именно он – оказался прытким, как кошка. Одетый в одну лишь длинную рубаху, он в один взмах своих голенастых ног проскочил через комнату и подлетел к раскрытому окну. Одну ногу он перекинул через подоконник и собирался уже спрыгнуть, но Теодор успел ухватить его за подол рубахи сзади и заволочь обратно. Я при этом все еще стоял в дверном проеме.

– Закрой за собой дверь, – тихо скомандовал мой товарищ.

Я так и сделал, а повернувшись, увидел, что Теодор скрутил Гавино руки за спину, а свободной пятерней зажал ему рот. Местный обитатель был примерно моего роста, а сложения сухопарого и костлявого, с запавшими и словно дремлющими глазами.

В комнате царил беспорядок. На узкой кровати у стены валялась скомканная простыня. Со вбитых в штукатурку гвоздей свисало тряпье, а одежда частично валялась и на пятнистых от грязи щербатых половицах. На столе были раскиданы увядшие остатки недоеденной трапезы, рядом со столом стояла скамейка... Частично наполненное ведро в углу служило отхожим местом. Здесь же рядом стояла кадка того, что должно именоваться свежей водой, только была она с пленкой чего-то похожего на грязную накипь.

Разбойник оторопело закатил глаза, в то время как жестокосердный гость подтащил его к кровати и с размаху бросил вниз лицом на засаленный тюфяк.

Упершись Гавино коленом в спину, Теодор захлестнул ему сведенные за спиной руки кожаным ремешком, выхваченным из-за пазухи. Затем он встал и сноровистым движением перевернул разбойника, посадив его спиной к стенке.

– Этот господин желает знать, входил ли ты в шайку, что совершила налет на Папу Льва, – низким, слегка гудящим голосом сказал мой спутник.

Взгляд Гавино скользнул в моем направлении.

– Хочет знать – пусть раскошелится, – с вызовом бросил он.

Теодор со знанием дела двинул ему по лицу – это был короткий, выверенный удар, что распарывает губы о зубы. Голова разбойника стукнулась о стенку.

Когда Гавино снова сел, он сказал своему противнику что-то ругательное – судя по всему, на местном диалекте. Теодор ударил снова, с такой же резкостью и по тому же месту.

– С господином разговаривай только на латыни, чтобы он тебя понимал, – прогудел он. – Ты был с теми, кто напал на Папу?

Гавино в ответ вытаращил глаза, но ничего не ответил.

Теодор повернулся ко мне:

– Будь так добр, наполни то ведро со ссаками, – попросил он.

До меня не сразу дошло, что он просит добавить воды в емкость для отправления естественных надобностей. Просьбу я выполнил. Теперь ведро было на две трети полно мержистой, разбавленной водой мочи, где также плавал одинокий кусок кала.

Руки Теодора работали умело и проворно. Он ухватил Гавино за лодыжки и поднял в воздух, головой вниз. Костлявый разбойник не мог много весить, так что мой напарник протащил его через комнату, как какой-нибудь крестьянин тащит на рынок курицу.

– Держи ведро, чтоб не упало, – велел он мне.

Я стал придерживать посудину, а Теодор начал клонить к ней голову жертвы. Гавино барахтался, как рыба на крючке, силясь уклониться. Тогда незванный гость спокойно приподнял его и, по-прежнему держа его на весу, коварно дал ему коленом по лицу. Пленник обвис, частично оглушенный, и оказался погружен головой в ведро. Подержав его там секунду-другую, Теодор выпростал ему голову наружу. С длинных намокших волос обильно потекла зловонная влага.

– Отвечай на мой вопрос, – призвал мой товарищ.

Гавино по-прежнему висел головой вниз, отплевываясь и сипло дыша.

– Опустим меня, – сдавленно выкашлял он. – Скажу все, что ты хочешь знать.

Теодор опустил его обратно на кровать. Разбойник, закашливаясь, давился воздухом. Лишенный возможности отереть себе лицо, он закатывал глаза и встряхивал головой.

– Не заставляй меня ждать, – предостерег его Теодор.

– Я был среди них, – выдохнул Гавино.

– Кто тебя нанял?

– Не ведаю. Было лишь указано, где собраться, а еще принести с собой нож или дубину.

– А на кого готовилось нападение, сказано не было?

– Только что дело будет легче легкого. Один из полудюжины толстобрюхов, и все они безоружны.

– Что еще?

Горе-налетчик по неосторожности провел по губам языком и, скривившись, был вынужден сплюнуть, чтобы как-то избавиться от послевкусия.

– Что еще? – строго повторил Теодор.

– Дождаться, когда они спешатся, – тревожно зачастил Гавино, – и наброситься на главного из них. Только на него одного: он и был для нас целью.

Тут вмешался я:

– Откуда вы знали, кто именно среди них главный?

Наша жертва поглядела на меня покрасневшими, слезящимися глазами:

– Он один был такой... весь важнеющий, в золотом шитье. У него и шапка была не как у остальных – такая высокая, все равно что серебряная.

– И этого хватило, чтобы из всех выделить именно его? – спросил я.

– Так ведь дело-то нехитрое! – затравленно осклабился разбойник. – У остальных-то просто дурацкие шапочки, лиловенькие. А двое так и вовсе были затрапезники.

– Какие еще были у вас указания? – возобновил дознание Теодор.

– Нам посулили надбавку – точнее, тому, кто выколует ему глаза и отрежет язык.

Гавино закашлялся – кашель вырывался из его горла надрывными спазмами, и казалось, что он подавился или что его сейчас вырвет.

– Довольно. – Мой спутник с мрачным видом залепил ему оплеуху. – Не трать мое время. Рассказывай, что было дальше.

– Мы сделали, как нам было велено: сбили его с ног, немного почиркали ножичком, ну а затем бросили его в ближней церкви.

– А затем?

– Взяли свои деньги и ушли. А меховую шляпу больше не видали.

– Что еще за шляпу?

– Да того оглоеда, что появился и дал нам последние наказы. Долговязый такой и в меховой шляпе – вид, как у полоумного.

– И сколько же вам дали? – спросил я.

– Да негусто, – не замедлил с ответом Гавино. Похоже, он уже понемногу очухивался и вновь принимал строптивый вид.

Что-то подсказало мне задать еще один вопрос:

– Та золотая пряжка, видимо, составила хорошую цену?

Гавино, по недомыслию, заартачился:

– Тоже мне цена, за какую-то там бляху!

На этом он и попался. Теодор снова ухватил его за лодыжки и стал поднимать.

– Стой! – забеспокоился разбойник. – Та бляха – совсем иное дело!

Мой помощник уронил его обратно на кровать.

– Объясни, – потребовал он.

– Мы с ребятами решили, что нам недодали. Подумали взять надбавку за свои труды. Если уж брать, то с того, с кого нам по праву причитается.

– И с кого же именно? – слегка опешил я.

– А с тех толстосумов, которых мы перед этим отогнали.

– Но ты же сказал, что вы не знали, кто они, – угрожающе заметил Теодор.

– Это пока мы не сделали работу, – пояснил Гавино. – А затем Беппо сказал, что тот поп, которому мы намяли бока, был на самом деле Папой.

Он нервно шмыгнул носом.

– Но ведь вы должны были узнать его по внешности, – ухватился я за пришедшую мне в голову мысль. – Это же *Papa*!

– Да мне без разницы! Я в церковь не ходок. А те попы были все такие выхохленные со своими шляпами, мантиями да камнями – поди разбери, кто из них кто!

– Вернемся к золотой бляхе! – рыкнул Теодор. – Где ты ее раздобыл?

– Беппо сказал, что знает, где живет один из тех остальных.

– Вот как? Который же именно?

– Ну этот, тоже из расфуфыренных. Мы прикинули, что он побежал за подмогой, а потому у него в доме сейчас все двери настежь. Беппо знал, куда идти, и знал, что там есть чем поживиться. Сам он уже успел напялить на себя крест с камнями, на золотой цепи. Как раз с того расфуфыренного и сорвал.

– А что потом?

– Отправились все к дому того святоши и нагнали страху на слуг. Те побоялись нас остановить. Мы забрались внутрь и похватили что подвернулось под руку. Мне вот досталась та бляха. Остальные тоже не зря сходили: в сравнении с изначальным кушем вышло сам-два.

Теодор повернулся ко мне:

– Ну что, услышал достаточно? – спросил он.

Я кивнул.

Мой спутник оторвал от простыни два лоскута – один он, скомкав, сунул разбойнику в рот, а другим обмотал кляп вокруг лица.

– Пора уходить, – заторопил он меня к выходу.

* * *

В той комнате мы пробыли слишком долго.

Когда мы ступили из закоулка на пустую улицу, воздух пронзил резкий пронзительный свист – пугающе близко.

Теодор положил мне на спину свою мощную длань и слегка подтолкнул.

– Беги! – бросил он.

Следом раздался еще один посвист, на этот раз откуда-то сверху, то ли с крыши, то ли из окна над головой. Я припустил вниз по узкому сырому коридору улицы, избегая коварной слизи в срединном водостоке. Бегун из меня не ахти, а вес кольчуги замедлял мой бег еще сильнее. Куда бегу, я понятия не имел, пока откуда-то сзади голос Теодора не прокричал:

– Второй поворот налево!

Я свернул за угол. Сердце мое билось у горла и срывалось к ногам. Пробежал я еще всего ничего, а уже отчаянно хватал ртом воздух. Впереди открывался кривой переулок, шириной от силы полтора туаза. Там из подворотни вышагнул некто, карауливший мое приближение, и преградил мне путь. Был он невысок ростом, жилист и вид имел достаточно свирепый. Нас разделяло шагов тридцать, не более, и видно было, как в руке у него блеснул нож. Но если сейчас остановиться, то меня неминуемо настигнет погоня. И я продолжал топтать, в то время как появившийся передо мной незнакомец гибко пригнулся, выставив одну руку вперед – дескать, стой, – а в другой держа нож острием вниз. Не останавливаясь, я с ходу ринулся на него в надежде сбить на сторону. Но он оказался проворен и опытен: с моим приближением порывисто подался в сторону и левой рукой ловко ухватил меня за котту, после чего рванул меня к себе и ткнул ножом мне в бок – отработанный удар снизу вверх, чтобы всадить лезвие меж ребер.

Клинок ткнулся в железные кольца кольчуги, но укол боли свидетельствовал, что острие пусть неглубоко, но все-таки проникло под нее. Но не иначе как по прихоти фортуны кончик лезвия застрял в металлических кольцах. На лице моего злосчастного убийцы мелькнуло удивление, я же, используя свой вес, сумел вырвать котту из его хватки, а свободной ладонью рубануть его сзади по шее. От внезапности злодей всхрюкнул, и мы с ним вдвоем, потеряв равновесие, повалились на грязные булыжники улицы. За одной милостью фортуны последовала другая: мое отяжеленное кольчугой тело при падении жестко припечтало противника сверху по лицу. На мгновение он как бы оцепенел, а рука его стала слепо нащаривать оброненный кинжал. Откатившись чуть в сторону, я вскарабкался на четвереньки и по-собачьи кинулся вперед, запуская пальцы в длинные смоляные волосы моего недруга. Крепко ухватив их, я что было силы саданул его головой о булыжники. Глухо стукнул о камни череп, и мой противник обмяк. Я же, не жалея сил, еще дважды с пыхтеньем шарахнул его головой о камни, а затем поднялся, оставляя внизу неподвижное тело.

Теодора нигде не было видно. Где-то в отдалении слышались постепенно угасающие крики. Вновь раздался посвист, но уже ощутимо слабее. Складывалось впечатление, что мой товарищ уводит погоню куда-то в другую сторону. Мелькнула мысль податься ему на помощь, но я ее отставил: такой человек, как он, вполне способен был и сам сладить с возникшим затруднением. После нескольких глубоких, до отказа, успокоительных вдохов и выдохов я опять припустил бегом, однако теперь чувствовал себя более собранно. Оставалось надеяться, что банда Гавино выставила у меня на пути всего один заслон и что, меняя путь следования, я сумею успешно запутать следы. Поэтому я стал делать на ходу ложные

петли, внезапные зигзаги и повороты, а когда ощутил, что погоня вроде как унялась, постепенно перешел на шаг, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

Послеполуденная пора между тем шла на убыль, и на улицах появлялось все больше народа. Я смешался с уличным людом, подстраивая под него свой шаг, и так постепенно оказался в более благополучном квартале, где и публика смотрелась зажиточней и почтенней. Оглядевшись в очередной раз, над домами я различил громаду Колизея и, используя ее как ориентир, направился в сторону *disabitato*.

* * *

Павел мое приключение в трущобах – допрос с пристрастием, бегство и схватку в проулке – воспринял, как мне показалось, как-то несерьезно.

– Вот видишь, что значит святая рубашка на теле! – подтрунил он. – Значит, реликвия и вправду была подлинной: молодец святой Ипполит!

Мне же сейчас было отнюдь не смешно.

– Что же там случилось с Теодором? Его ведь, возможно, уже и в живых нет! – попытался я вернуть собеседника на серьезный лад.

– Насчет Теодора не переживай, – сказал мой друг со степенной невозмутимостью. – Он знает наперечет все проулки и окольные пути. Шайка Гавино выпроводит его со своей территории и на этом уgomонится.

– Но меня-то член той шайки чуть было не вспорол! – запальчиво напомнил я.

– Ты – иное дело. Здесь ты чужак, расправиться с тобой было в порядке вещей. А вот навреди они Теодору, то это обернулось бы крупной междоусобицей с его сорвиголовами, а им этого не нужно.

Вместе мы снова прошли в комнату, где Павел держал свои архивы. Он указал мне глазами на стул, а сам, тоже усевшись, положил перед собой вощеную дощечку и изготовил для записи античный стиль – тонкой работы, с изящной резьбой по слоновой кости.

– Так что ты выведал из своей задушевной беседы с Гавино? – спросил меня мой друг.

Я рассказал о том, как разбойника, которого мы допросили, вместе с его шайкой наняли для налета и как они в назначенный день исполнили данные им указания.

– Было бы большой удачей, если б нам удалось выявить эту самую меховую Шляпу, – подытожил я. – Хотя она оказалась надежным средством маскировки. А потому нам известно лишь то, что тот человек был высок ростом и что, кроме него, Гавино не встречался ни с кем, кто стоял за нападением.

Павел кончиком стиля неторопливо почесал себе возле уха.

– Ты прямо-таки убежден, что Гавино не получил точного описания человека, на которого им вменялось напасть? Неужели лишь то, что в группе всадников он будет самым разодетым? Как он там выразился – в «важнеющем одеянии»?

– Таковы были его слова.

Бывший номенклатор с довольным видом сплел перед собой пальцы:

– Ну что ж. Какая-никакая, а нить у нас есть. Может, она и впрямь выведет кое к кому из заговорщиков.

Я озадаченно нахмурился:

– Боюсь, что не вполне тебя понимаю.

– А вот ты сам задай себе вопрос: почему это заговорщики не предоставили шайке портретного описания Льва? Ведь так было бы и надежней, и проще.

– Ну... быть может, Льва трудновато описать? – предположил я. – Скажем, из-за заурядной внешности?

– Внешность у него и в самом деле непримечательна, позволь тебя заверить. Но вспомни и заявление Гавино насчет того, что двое из тех священников были «затрапезниками» – то есть не имели на себе церемониальных облачений. С чего бы вдруг?

– Кто знает, – не нашелся я с ответом. – Может, те двое припозднились и у них просто не было времени нарядиться подобающим образом...

Павел поглядел на меня с мягким укором:

– Обряд Большой литании – одно из самых важных таинств по церковному календарю и проводится неукоснительно из года в год, в одно и то же время. Так что из лиц, рукоположенных в церковный сан, в напоминании на этот счет не нуждается никто.

Мало-помалу направленность его мысли становилась мне ясна.

– Ты полагаешь, – спросил я, – что двое из тех всадников нарушили правильность облачения именно для того, чтобы Гавино с сообщниками их случайно не задел?

– Похвально, Зигвульф! Для старших сановников явиться на празднество литании без церемониальных одеяний просто немыслимо. – Мой собеседник стал поигрывать стилем. – Подрывать на дело шваль вроде Гавино – вещь достаточно рискованная, чреватая множеством недоразумений и ошибок. Ведь в суматохе свалки тумачи подчас могут достаться не тому, кому они адресованы.

– А как же насчет остальных сановников, которые были облачены как подобает? Ведь им те самые тумачи грозили непосредственно!

Павел пожал плечами:

– Думаю, заговорщикам до этого не было дела. Главное, чтобы налетчики добрались до Льва, не спутав его с теми двумя «затрапезниками».

– Если ты прав, то выходит, тем двоим о нападении на Папу было известно загодя?

– Именно.

– А можем ли мы выяснить, кто это мог быть?

– Без труда, – хмыкнул мой товарищ. – При обряде Большой литании честь сопровождать Папу отводится лишь самым старшим сановникам. Это привилегия, которую Церковь ревностно блюдет.

Намек провоцировал на вполне определенный вывод.

– Получается... заговор против Папы вынашивался на самой верхушке церковного ведомства?

Павел ответил не сразу. Некоторое время он сидел ровный, недвижимый и занятый своими мыслями. Наконец, он сдержанно произнес:

– Церковников из собора Святого Иоанна, что на Латеранском холме, хлебом не корми, а только дай поинтриговать. И чем выше они поднимаются по службе, тем сильнее их берегут соблазны и амбиции.

Теперь я понимал, отчего мой друг так доволен собой.

– А у тебя, видимо, есть возможность узнать, который из них в тот день и час не имел на себе должного церковного облачения?

Легкая усмешка чуть оживила лицо бывшего номенклатора:

– Среди тамошних скринариев у меня остались неплохие осведомители.

– Только прошу тебя: используй их осторожно, – улыбнулся я. – Архиепископ Арн желает, чтобы ход дознания держался в тайне.

– Не беспокойся, Зигвульф. Мои расспросы будут очень ненавязчивы. – Щека Павла дернулась тиком, вызвав секундную паузу. – Ризы, надеваемые по большим празднествам, имеют огромную ценность. Они приравниваются к церковным сокровищам: выдаются строго в определенный день, а после обряда подлежат сдаче в ризницу хранителю сакристии и церковной утвари. Ну а его служки дотошно помечают все: кому именно было выдано

облачение, на какой срок, когда возвращено и так далее. В скрипариуме я знаю кое-кого, кто может пошерстить для меня книги учета.

Упоминание ценностей напомнило мне о золотой бляхе из сокровищ аваров.

– Кстати, о той аварской пряжке, – сказал я. – В оплату налетчикам она не входила.

В кои-то веки на лице Павла мелькнула растерянность.

– Тогда как она оказалась в руках Гавино?

– Ее он похитил непосредственно в доме одного из тех всадников.

Я рассказал моему другу про то, как разбойникам пришло в голову обчистить дом одного из священников, что сопровождали Папу к обряду.

– Он сказал, чей это был дом или хотя бы где он находился?

Я в ответ покачал головой.

– Жаль, – вздохнул Павел. – После того, что произошло сегодня, Гавино заляжет на дно. Второй раз так запросто взять его за бока мы уже не сумеем.

– А мне кажется, одна нить у нас все-таки есть. Гавино утверждает, что кто-то из его шайки сдернул с того самого священника некий ценный крест. Крест висел у него на шее, на золотой цепи. Может, со временем он и всплывет. Во всяком случае, ты мог бы расспросить о нем дельцов, с которыми водишь знакомства.

Отставной номенклатор посветлел лицом. Я заметил, что белки его глаз испещрены красными прожилками, а обвисшие мешочки под глазами придают ему сходство с определенными породами охотничьих собак.

– Нагрудные кресты высшего духовенства учитываются не менее тщательно, чем церемониальные ризы, хотя и другим ведомством, – пояснил он. – А на ношение выдаются *аркарисом*, главным казначеем. У моего человека я могу спросить, значится ли в сокровищнице пропавшим некий нагрудный крест и кому именно он выдавался.

Павел поднялся и, обойдя стол, положил ладонь мне на плечо.

– Зигвильф, друг мой. Ты уж прости меня за насмехательство над твоей нынешней трущобной эскападой. Но вот что я тебе скажу со всею серьезностью. Если вдруг Гавино с его шайкой вздумают тебя прикончить или же мысль от тебя избавиться придет каким-нибудь злоумышленникам, что стоят за заговором и знают о причине твоего приезда в Рим, то было бы благоразумней, если б ты оставил свое нынешнее обиталище и перебрался сюда, на эту виллу.

Глава 5

ГЛАВА 5

Кем бы ни был тот самый скриниарий на Латеранском холме, но запрошенные Павлом имена он разнюхал действительно быстро.

– Пасхалий и Кампул, – уже назавтра объявил мой друг. – В день нападения на Льва ни тот ни другой не получали из ризницы своих церемониальных одеяний. А между тем оба состояли в праздничном шествии – более того, в папском сопровождении.

– Они занимают при Папе какие-то важные должности? – спросил я. – Это, так сказать, верхушка?

Стоял прекрасный июльский день. В прозрачной синеве неба недвижно висело несколько невесомых, словно подбитых пухом, облачков. Мы вдвоем стояли в саду, куда мой друг вывел меня для ознакомления со своей коллекцией спасенных скульптур.

Он приостановился отколупнуть засохшую птичью пачкотню с мраморной фигуры женщины. Статуя была натуральных пропорций, хотя над шеей отсутствовала голова. Оставалось лишь гадать, было ли ее лицо столь же безупречно, как тело в скромной, ниспадающей складками столе⁶, из которой проглядывала одна обнаженная рука.

– Самая что ни на есть макушка, – ответил Павел на мой вопрос. – Кампул значит при Папе *сацелларием*. То есть он распоряжается выплатами из папских сундуков. По сути, это папский казначей. Пасхалий, надо сказать, чином еще выше. Он *примицерий* – глава канцелярии. Начальник над всеми крючоктворами-нотариями.

– Ну а по какой причине, ты полагаешь, кто-то из них захотел бы с Папой посчитаться?

⁶ Стола – женская туника с короткими рукавами и множеством складок, подвязанная поясом.

– Насчет Пасхалия ответ напрашивается сам собой. Он племянник Папы Адриана, так что в свое время были все основания полагать, что своего дядю на троне Святого Петра сменит именно он. Однако Лев его обошел, подкупив кого надо. Ну а если бы со Львом что-нибудь случилось, то права на папский престол, глядишь, вернулись бы в семейство.

– Похоже, что Пасхалий – ставленник аристократии.

– Несомненно.

– Ну а Кампул?

– Еще один человек из «своих», до мозга костей. Как и Папа, изначально состоял в числе палатинцев. Но ставку свою делал на Пасхалия. И был, судя по всему, крайне раздосадован, когда в итоге Его святейшеством стал Лев.

Я с улыбкой подмигнул моему другу:

– Теперь я понял, чего они лишились, удалив тебя с Латеранского холма. Судя по тому, как ты шевелишь паутину и буквально с ходу узнаешь, кто там в ней увяз.

Мою фривольность Павел проигнорировал.

– Ты забываешь о нагрудном кресте, сорванном с человека, чей дом затем обчистили, – сказал он. – Крест тот вернулся в сокровищницу спустя сутки после нападения на Льва. Аркарий от его исчезновения был сам не свой, но помалкивал, боясь скандала.

– Кто ж его вернул?

– То же самое лицо, которому он и был выдан для процессии: распорядитель папского двора.

Перед глазами тотчас возник образ: распухшее, в синяках лицо смиренно-робкого церковника за монастырским столом, во время моего пути в Рим.

– Ты имеешь в виду Альбина?! – воскликнул я изумленно. – Но он мне даже слова не проронил, что его дом был ограблен! И что в его доме могла делать аварская пряжка?

Бывший номенклатор холодно улыбнулся:

– Мне это тоже не вполне понятно. Быть может, Гавино все это наплел затем, чтобы сбить тебя с толку?

Он глянул мне куда-то поверх плеча и добавил:

– Можешь быть уверенным: этот негодяй или успел дать из Рима деру, или же спрятался, чтобы мы не смогли допросить его по новой, дабы проверить на искренность. Ну да ладно. У меня на этот счет есть иной, не совсем обычный ход.

При этом мой собеседник по-прежнему смотрел мне через плечо. Я обернулся. Из отдаления к нам направлялась уже знакомая кряжистая фигура Теодора. Для меня было большим облегчением видеть, что он абсолютно цел и невредим.

– Как ты оттуда выбрался? – спросил я, едва он приблизился к нам.

– Дрался, потом бежал, – лаконично ответил мужчина.

– Теодор, – обратился к нему Павел, – мне понадобится еще несколько часов твоего времени. Я решил нанести в дом распорядителя папского двора негласный визит. – Перехватив мой встревоженный взгляд, он поспешил успокоить меня: – Не волнуйся, Зигвульф. Альбин по-прежнему находится во Франкии. А дома у него сейчас всего несколько слуг. Давайте прогуляемся туда вместе.

Не давая мне времени на расспросы, что у него на уме, мой друг неторопливо зашагал по дорожке к переднему входу на участок своей виллы. Повернув там налево, он впереди нас тронулся к заброшенным кварталам *disabitato*.

– Распорядитель двора Альбин занимает еще один участок, дарованный Латерану, – объяснил по дороге Павел. – Прекрасный просторный дом – первый его хозяин был, должно быть, очень богат, – к тому же расположенный великолепно, с замечательным видом на город.

– Я гляжу, ты весьма многое о нем знаешь, – заметил я.

– Еще бы. Я ведь сам к нему примерялся до того, как выбрал свое нынешнее место обитания, – ответил отставной сановник без тени смущения.

Наш путь пролегал под небольшим уклоном вверх. Камни и кирпичи из стен придорожных строений частично рассыпались от ветхости или же были попросту растасканы. Свободные участки кое-где были обнесены хлипкими заборчиками или изгородями – так, чтобы брошенные сады можно было использовать под скудные пастбища для осликов и коров. В иных местах, негодных и для этих целей, земля поросла терновыми кустами, среди которых вольготно расселилась порхающая и щебечущая птичья мелочь. Сквозь рассеявшийся плитняк дороги давно пробились травы, а желоба водосточков заглушили окаменевшие наносы грязи. Так же выглядели и дома: там, где крыши осыпались полностью, они вращались в землю пустыми оболочками, как брошенные моллюсками раковины. Ну а если часть черепицы все же уцелела или же ребра стропил могли держать на себе соломенную кровлю, в них самовольно вселялись новые хозяева. На то, что эти жилища обитаемы, указывали костровые подпалы на стенах, роющиеся в земле куры и свиньи, а также детишки, которые сейчас, бросив свои неугомонные игры, смотрели, как мимо проходят пришлые, в их разумении, люди. Небольшой храм на перекрестке был переделан в коровник, где теперь какой-то мужчина, полагающий себя аграрием, ковырял вилами навоз.

Примерно через полмили Павел свернул в боковую аллею – такую нехоженую, что там перед нами вприпрыжку затрусил заяц, а потом с лентой отпрыгнул в сторону и исчез в буйных травах обочины. Справа от нас тянулась довольно неплохо сохранившаяся древняя стена. Пройдя вдоль нее пару сотен шагов, мы остановились там, где она частично обвалилась, открывая взору тыльную часть того, что некогда было роскошным двухэтажным особняком. Здесь были и помещения для слуг, и кухарни, и кладовые, и надворные хранилища. Непосредственно перед нами находились остатки бывшего сада с большим каменным углублением и фонтаном посередине. Фонтан не действовал, а сад представлял собой заросли небрежно разросшихся трав и бузины, но зато дальше шел определенно обихожанный и возделанный участок с ровными рядками краснокочанного салата и цикория.

– Ну вот, – объявил Павел, – дом распорядителя Альбина.

Говорил он тихо, вполголоса, хотя с момента поворота в аллею мы не встретили ни единой души, а само место казалось пустынным и нежилым.

– Я бы хотел заглянуть в комнаты передней части дома, – обратился мой друг к Теодору. – Ненавязчиво, пока есть такая возможность.

– Ждите здесь, – сказал нам его помощник.

Он перелез через провал и на наших глазах осторожно и бесшумно пробрался через заросший сад, после чего скрылся среди колонн позади главного строения.

– Надеюсь, ты понимаешь, во что впутываешься, – напряженно прошептал я Павлу. – Если эта вылазка закончится еще одной погоней, люди здесь непременно запомнят рясу уносящего ноги священника.

– Ну допустим, один я убежать не собираюсь, – с туманной хитрецей поглядел мой друг куда-то вбок. – А вот архиепископ Арн, я уверен, непременно будет ждать от своего посланника свидетельств очевидца. И чем их больше, тем лучше.

Отыскав острую веточку, он взялся выводить на плоской поверхности камня слабо заметные штрихи.

– Значит, так. Альбин, несомненно, обосновался в главной приемной спереди, – пояснил он, вычерчивая большой прямоугольник. – Мы вот здесь, на краю сада. Эти небольшие строения сбоку и сзади – по всей видимости, помещения для слуг. От нас же требуется, не поднимая шума, пробраться в передние комнаты.

– А что мы, собственно, ищем? – задал я вопрос.

– Нечто, способное подтвердить правдивость Гавино насчет того, что аварскую пряжку он взял именно в этом доме.

Не прошло и пяти минут, как возвратился Теодор, продемонстрировав необычайную ловкость и бесшумность для человека такого сложения.

– Слуг в доме трое, может быть, четверо, – сообщил он, спускаясь к нам и отряхивая ладони от пыли. – Я слышал, как они переговариваются. Похоже, работу на день они уже закончили и сидят на солнышке где-то на переднем дворе.

– Как сподручней пробраться внутрь? – осведомился Павел.

– Там есть задняя дверь, она выходит в пристройки. Но чтобы попасть в сам дом из них, надо проходить через внутренний двор, где слуги. – Теодор оттянул верх туники, тесноватый для его бычьей шеи. – Однако, если хотите, слуг я могу умять.

– Насилия не надо! – воспрепятствовал я. – Тем более что мы можем их отвлечь.

Павел и его подручный вопросительно посмотрели на меня.

– Помнится, на пути сюда у аллеи паслись козы – на каком-то огороде, без всякого надзора, – сказал я. – Их можно было бы подзаять и учинить здесь переполох. Козы ведь любят овощи.

– Зигвульф! – Бывший номенклатор поглядел на меня, явно сдерживая смех. – Да ты, я вижу, природный взломщик. Вот бы кого в разбойничью шайку вместо Гавино!

Мы направили стопы обратно и там окружили беспечное стадо из полудюжины животных. Мы сумели подогнать их к стене, где, поднимая, поочередно перебросили их внутрь, на участок. Минуты не прошло, как вожачиха этой рогатой братии – бело-рыжая, с мелким остреньким выменем – выявила наличие огорода и припустила к нему, задрав хвост и хлопая ушами. За ней живо устремились и остальные. И вот они взялись пировать. Минут пять мы выжидали, глядя, как козы упиваются – вернее, уедаются – яствами. За этим делом они потоптали аккуратные ряды салата и цикория, повырывали овощи и вскоре уже блаженствовали в прожорливом трансе, с торчащими из жующих челюстей корешками и листьями.

Наконец, откуда-то со стороны пристроек для слуг послышался возмущенный окрик, а за ним гневные возгласы и улюлюканье.

– Живее! – прошипел Теодор и провел нас по аллейке чуть вниз. Здесь он остановился и сложил ладони стремянем, подсаживая на стену вначале Павла, а затем меня. Приземлились мы в неухоженной части сада и оттуда побежали к задней стене помещения для слуг. Жужжание мушиного роя и ударивший в нос запах нечистот дали понять: где-то здесь челядь опорожняет ночные вазы. Я рванул на себя дверь, и, полубегом миновав кладовую, где на полках теснились глиняные жбаны и кувшины, мы с Павлом выскочили на пустую кухню. Беглый обзор двора подтвердил, что здесь никого нет, и мы по дорожке пробежали к дому, слыша, как где-то кричат, свистят и бьют в ладоши: челядь Альбина пыталась спасти хозяйские овощи от посягательства.

Столетия назад кто-то вложил в облагораживание этого дома немалые деньги. Все полы здесь были выложены прекрасной мозаикой: геометрические орнаменты с изображениями животных и растений. Недостающие плитки исчислялись сотнями, но все равно можно было распознать сцены охоты, гимназии и арены цирка. Мозаичными были и стенные панели. Павел в рясе пузырем первым поспешил через атриум к двойным дверям. По счастью, они оказались не заперты, и вслед за моим другом я попал в большую приемную. Высокий деревянный потолок здесь украшала лепнина, а в просторные окна струился предвечерний свет. Стекла были с цветными вкраплениями, а мраморный пол с изразцами – желтыми, синими и нежно-розовыми. Стены покрывали изрядно выцветшие фрески, тоже с античными сюжетами.

Среди всей этой изысканности мебель в доме была подчеркнута проста: пара широких приземистых столов, несколько стульев и табуретов с выдавшими виды подушками, два

высоких железных подсвечника... Никаких ковров, половиков или стенных драпировок. Дух в помещении стоял слегка затхлый: оно и понятно, ведь хозяин был в отъезде.

– Что-то богатств особых не видно, – заметил я Павлу.

Тот расхаживал по комнате, приглядываясь к убранству.

– Ну а как же? Разве бы он оставил какие-нибудь ценности на виду, когда сам находится в странствии?

Затем мой товарищ остановился возле громоздкого сундука у стены.

– А Гавино не упоминал о каких-нибудь сундуках или ларцах для ценностей? – поинтересовался он.

– Нет.

Павел поднял крышку. Сундук был пуст.

– Интересно, что он мог здесь держать? – заглянул я внутрь.

Не сводя глаз с замка, мой друг сказал:

– Если Гавино в самом деле выкрал золотую пряжку из этого дома, то, вероятно, взял он ее из того места, где Альбин хранил свои одежды. Может быть, наверху.

– Посмотрим там? – спросил я несколько растерянно. В правдивости Гавино я уже начинал сомневаться. Комната, которую мы обыскивали, явно принадлежала человеку с бесхитростными вкусами.

– Сомневаюсь, что мы там что-нибудь отыщем, – вздохнул бывший номенклатор. – Та шайка разбойников унесла бы с собой все, что только сумела бы ухватить. – Он все еще изучал замок. – Эта вещь достаточно прочная. Настолько, что устояла бы против Гавино и его дружков, если те действительно торопились. – Затем Павел распрямился. – Ну что, давай глянем в соседних комнатах.

Он подошел к двери, приоткрыл ее и предварительно убедился, что за ней все чисто. Затем мы вдвоем тихо прошли коротким коридором налево.

Первая дверь открывалась в помещение, которое, видимо, изначально служило баней. Пол в нем был облицован плиткой с каналом для оттока воды, вдоль стен тянулись каменные скамьи, а узкие окна наверху в достатке пропускали свет и воздух. Дверь оттуда вела в смежное помещение.

– Весьма, весьма недурно, – проговорил впечатленный Павел. – Тот, кто строил этот дом, определенно знал толк в роскошествах: тут тебе и моечная, и парная...

Обе комнаты были сиротливо пусты.

Мы подошли к последней комнате, третьей по счету. Это оказалось отхожее место – просторное и все еще используемое по назначению, хотя и без тех инженерных изысков, что были здесь когда-то. Возле каменной скамьи с четырьмя крупными дырками здесь стоял внушительный ночной горшок.

Закрыв за нами дверь, Павел принялся.

– Хорошая вентиляция, – одобрил он и, подойдя, мельком заглянул в горшок. – И слуг своих Альбин вышколил что надо: все убрано, вычищено.

Мне припомнилась вонь экскрементов у задней двери и сухой фонтан в саду. Значит, водопроводной воды в доме больше нет. Та же мысль, похоже, пришла сейчас в голову и Павлу. Он с прищуром смотрел на желоб водостока под скамьей с дырами. Вот где можно было бы обустроить замечательный тайник! Но и здесь ничего не нашлось.

– И все-таки, может, стоит поискать наверху! – предложил мой сообщник, отводя глаза.

В эту секунду сердце мое скакнуло прямо к горлу: дверь за нами тихо отворилась. Я ожидал увидеть там кого-то из слуг, но в дверь крадучись проник Теодор.

– Уф-ф, – выдохнул я в облегчении, – как ты меня напугал!

– Им там осталось поймать только ту козу, рыжую с белым, – осклабился он. – Ох и дает она им жару – не угонишься! Я решил на всякий случай быть с вами: а ну как возьмут вас да обнаружат?

Казалось бы, странно, но что-то в этой комнате казалось мне до боли знакомым. И тут где-то внутри шевельнулась приглушенная память – о моем визите в церковь и о тамошнем стороже с его навязчивым показом священных реликвий.

– А может, глянуть еще и там? – указал я на заржавленную железную решетку, закрывающую воздушную отдушину над отхожим местом. Та решетка была в полтуазы шириной, а высотой так и вовсе с туаэ и находилась как раз над скамьей для справления надобностей. Чем-то все это напоминало мне нишу, где были выставлены на обозрение фиал и уздечка святого Сильвестра.

Теодор ступил на скамью и потянул за решетку. Та подалась неожиданно легко. Наш помощник протянул в нишу руку и... вынул оттуда на свет Божий кожаную выючную суму. Судя по всему, сума была увесистой, а когда мужчина подавал ее Павлу, в ней что-то приглушенно брякнуло. Меня Теодор вознаграждал мелким кивком признательности.

Бывший номенклатор запустил руку в кожаные недра и, удовлетворенно крикнув, выпростал из сумы наружу золотой кубок высотой примерно в восемь дюймов. Мне ненароком подумалось, что это что-нибудь из алтарной утвари – скажем, потир⁷, – а потому у Альбина есть какая-то обоснованная причина держать его дома в потайном месте.

Павел вдумчиво оглядел изделие, вращая его за ножку.

– Непло-охо, – протянул он с плохо скрытым радостным волнением. – А ну-ка, Зигвильф, полюбуемся!

Он передал мне кубок. Тот весил почти фунт и был подлинным совершенством ювелирной работы. Нижнюю часть этой драгоценности золотых дел мастер пробороzdил тончайшими желобками, а верхнюю до самой кромки украсил тончайшим цветочным орнаментом, выгравированным на податливом металле.

Следом Павел явил на свет обворожительного вида флягу или кувшин, имеющий каплевидную форму слезы. От круглого донца до элегантного горлышка в этом сосуде было не меньше локтя, а влить в такой можно было не менее двух мер вина. Было в нем что-то от тех грациозных ваз, что я видал при дворе халифа Багдада. Но те были из тонкого фарфора, а этот, в противоположность им, отлит из цельного золота. Когда же друг протянул эту вещь мне, чтобы я восхитился ею, то на поверхности передо мной предстал образ конного воина. Проработка рисунка была поистине филигранна. На воине была кольчуга вроде той, что спасла меня от кинжала в римской трущобе, только эта была искуснейшей выделки и покрывала три четверти тела. Она доходила до локтей и до колен, а шею воину прикрывал латный воротник. Довершали защиту тяжелые латные рукавицы и поножи, а на голове воина красовался конический шлем с молодцеватым плюмажем. Над правым плечом этот воитель возносил копьё с раздвоенным, словно ласточкин хвост, вымпелом, а сидел он, чуть накрываясь, на могучем, гордо шагающем коне с заплетенной косицами гривой и хвостом и тоже облаченном в нарядный доспех. Но особое внимание привлекало то, *что* воин держал в своей левой руке: чуб несчастного вражины, вынужденного униженно трусить рядом с могучим конем. Это был пленник, также одетый в кольчугу – бородач с уныло обвисшими усами. Беспомощного пленного волокли за волосы на всеобщем обозрении. Мастер построил изображение так, что лицо конного воина было обращено к зрителю – свирепо-скуластое, чуть приплюснутое, с четкой полоской усов над плотно сжатыми губами, начаточной бородкой и неумолимым взором больших, слегка раскосых глаз, в которых виделось многое – триумф, уверенность в себе и заносчивость: это было лицо победителя, причем высокородного.

⁷ Потир – церковный сосуд для причащения.

А с подседельника, рядом с униженно согбенным пленником, свисал еще один трофей: человеческая голова.

– На мой взгляд, несколько мрачновато, – выразил свое мнение Павел, отставляя сосуд на каменную скамью. Он продолжил извлекать содержимое сумы, ставя изделия рядом: снова чаши, кубки, статуэтки, несколько блюд... Некоторые предметы были обернуты тканью. И все они оказались сделанными либо из чистого золота, либо из сплава золота с серебром.

Мой друг саркастически усмехнулся:

– Больше подходит для языческого пиршества, чем для алтаря. Похоже, эти вещи тоже из сокровищ аваров, которые король Карл пожертвовал Церкви.

– Что теперь с ними делать? – задал я вопрос.

Павел немного подумал.

– Да, в общем-то, ничего. Возвратим их туда, где нашли, а себе оставим лишь пару образчиков, чтобы ты показал их архиепископу. А иначе добряк Арн может тебе не поверить.

Кубок и кувшин отставной номенклатур завернул в ткань, а остальное упрятал обратно в суму, которую Теодор поместил туда же, откуда взял, поставив затем на место решетку.

После этого Павел чутко накренил голову, прислушиваясь. Коз, судя по всему, наконец, приструнили: в саду стояла тишина. Лично я слышал лишь биение собственного сердца. До меня запоздало дошло: как же мы теперь, когда слуги вернулись в дом, уйдем отсюда незамеченными?

Но мой друг, как ни странно, обеспокоен не был.

– Ну что, пора в путь, – промолвил он абсолютно будничным тоном, и следом за ним мы с Теодором прошли обратно через приемную, а оттуда в прихожую, где было пусто и безлюдно. Передние двери особняка – огромные, из черно-смолистого дерева – были слегка покорежены и очень стары, по возрасту, вероятно, соперничая с самим домом.

– Как я и ожидал: на засове, но не на замке, – удовлетворенно отметил Павел. – Очевидно, Альбин практикует старый верный способ сохранности. И он, по сути, прав... Хотя против тех, кто внутри, сей способ бесполезен.

Нежным движением он отодвинул деревянный запор, и я затаил дыхание, ожидая услышать протяжный скрип древних петель, который выдаст нас с головой. Но добросовестные слуги Альбина неукоснительно следили за тем, чтобы петли были смазаны. Одна створка бесшумно приотворилась настолько, что мы поочередно смогли проскользнуть в зазор.

– А ну-ка постойте, – подал голос Теодор.

Из-за пазухи он выудил подобие кожаной удавки и, к моему смятению, скользнул обратно в дом. Впрочем, обратно он появился почти тотчас же, удерживая обеими руками концы, туго натянутые вокруг края двери.

– Закрывайте створку, – распорядился он, – но только не до конца, чтоб не пережать эту штуковину.

Именно так мы и сделали, после чего Теодор плавно потянул за шнурок. Видимо, он продел его петель: слышно было, как засов задвигается с той стороны.

– Учись, Зигвульф, – шепнул мне Павел. – Вот тебе полезный урок по мастерству взлома.

Теодор позволил себе скупую улыбку:

– Польза от него есть только тогда, когда двери малость неровные.

Отпустив один конец шнурка, он вытянул его на себя.

Через *disabitato* мы двинулись в обратный путь, стараясь сохранять непринужденность шага. Проводив нас почти до места, Теодор засобиравшись домой. Павел напоследок посулил ему надбавку.

– Как славно он сработал с засовом! – похвально отозвался он о своем подручном. – Альбин, вернувшись домой, обнаружит пропажу, но не увидит следов нашего вторжения и решит, что его тайник обнаружили слуги и решили поживиться. Возможно, он даже учинит над ними дознание, но они, как один, поклянутся ему в своей невиновности. Это лишь сдобрит нашу таинственную историю специями.

Я дождался, пока мы вернемся к Павлу в дом и окажемся в его кабинете, и уже тогда, закрыв за собою дверь, озвучил мысль, что постепенно обретала очертания в моем уме:

– Вероятно, Альбин, во избежание неудобных вопросов о засаде на Папу, наведаясь к торговцам краденым и выкупил свой нагрудный крест, который затем возвратил аркарию. У Церкви он уже и без того подворовывал, так что не хотел лишний раз привлекать к себе внимание.

– То, что он вор, это налицо, – кивнул Павел. – Но у меня есть подозрение, что все здесь гораздо глубже.

– В смысле нападения на Папу Льва?

– Все трое, попавшие в наше поле зрения, имели свободный доступ к папской сокровищнице: Пасхалий с Кампулом при Папе Адриане, а затем вот Альбин при Льве.

– Ты полагаешь, что между ними может быть некий сговор?

– Я бы не удивился, – с циничной усмешкой ответил мой друг.

– Звучит как-то несуразно, – усомнился я. – Кампул с Пасхалием принадлежат к партии, ратующей за низложение нынешнего Папы. Альбин же, наоборот, принадлежит к числу их противников. Он ставленник Льва, и, случись что, вместе с ним уйдет и он.

– Это головоломка, о которой ты мог бы поведать архиепископу Арну: пускай он и выискивает ответ, – сухо определил Павел.

Он развернул ткань, в которой нес золотую чашу и сосуд с образом победоносного всадника, и поставил оба предмета на стол.

– Пожалуй, тебе настало время представить ему доклад в личном порядке, а с собою взять эту вот посудину с кровожадным воином, – посоветовал мой товарищ. – Расскажи доброму архиепископу, где ты ее нашел, а также донеси, что в Риме пахнет чем-то весьма скверным.

– А чаша? Что ты с ней думаешь делать?

– Ее я попридержу и покажу кое-кому из своих людей среди торговцев краденым. Если им предлагалась эта вещь или что-нибудь ей подобное, то это могло бы вывести нас на загадочную Меховую Шляпу, который нанял шайку Гавино, или на кого-нибудь из его высокопоставленных сообщников.

Он указал на сосуд и добавил:

– Я и понятия не имел, что среди аваров есть ювелиры, способные на такое. Несомненно, эта вещь была изготовлена в ознаменование какой-то важной победы, одержанной этим самым всадником.

– Интересно, кто бы это мог быть, – сказал я.

Павел пожал плечами:

– Да кто ж про то знает! Это событие могло иметь место десятилетия назад. Хотя сам предмет смотрится отнюдь не старинным.

Мой друг дыхнул на золотую поверхность, потер ее рукавом и поднял на свет, вглядываясь в гравировку.

– Что ты там ищешь? – любопытствовал я.

– Что-нибудь, указывающее на создателя этой вещи, – сказал он, поворачивая вещь под разными углами. – Его клеймо. Это работа истинного мастера своего дела. Даже варвару авару достало бы ума поставить на ней какую-нибудь личную метку, пускай хотя бы крохотную и в каком-нибудь укромном месте. – Он удовлетворенно хмыкнул: – Ну вот, я

так и думал: вот она, метка! Напоминает значки, что в ходу у вас, северян. Быть может, ты углядишь в ней какой-нибудь смысл?

Он передал мне кувшин:

– Буквы внутри обода подставки, так что, когда вещь ставится на стол, их не видно.

Я не сразу, но разглядел найденную Павлом надпись, а также понял, почему он упомянул письмо севера. Буквы действительно напоминали руны.

– Они тебе о чем-нибудь говорят? – спросил меня друг.

Я покрутил сосуд так и эдак, пытаюсь более внятно разглядеть те литеры. Всего их было пять – таких мелких, что сложно и разобрать.

– Не так-то просто их разглядеть, – сказал я. – Если бы их выписать покрупнее, то, может, был бы толк.

Павел поднес мне со стола стиль и вощеную дощечку, и я перерисовал эти буквы, а закончив, оглядел их на воске, но без особого успеха.

– Мой отец разбирался в старых письменах и заставил меня в детстве выучить руническую азбуку. Но с практической целью я ее никогда не использовал, – признался я. – Так что литеры мне толком ни о чем не говорят. Хотя в целом это слово видится мне как *lagiz* — одна литера напоминает *L*, а последняя похожа на нашу *Z*.

– Ну вот, еще одна загадка насчет нашего царственного воина, – заметил хозяин дома. – Так что когда ты вернешься в Падерборн, то, может, найдешь при дворе короля Карла кого-нибудь, способного их перевести. Насколько мне известно, король окружил там себя обществом ученых мужей.

– Честно говоря, я думал подзадержаться в Риме, – нехотя вздохнул я, – помочь тебе с твоими расспросами.

Друг удостоил меня косого взгляда, многозначительно при этом нахмурившись.

– Зигвильф, мы имеем дело с людьми жестокими и безжалостными. Если то твое небольшое приключение в трущобах дойдет до кого надо, то они могут уяснить, кто ты такой и зачем прибыл в Рим. А потом принять меры, чтобы ответ своему хозяину ты не доставил никогда.

Глава 6

ГЛАВА 6

Падерборн – август

В Падерборн я возвратился той порой, когда здешние селяне берут в руки серпы и целыми семьями не разгибаются в полях, занимаясь жатвой. Долгие погожие дни и сухой ветерок сулили в этом году небывалый урожай. Столь же солнечный настрой царил и при дворе короля Карла, поскольку стоял *pinguedo* — время «жировки», когда свой наибольший вес набирают самцы благородных оленей. Карл, что ни день, столько времени проводил среди своих гончих и охотников, что обычное течение его дел со стремительного замедлилось до вялотекущего. Папа Лев со своей свитой мог бы уже пуститься в обратный путь к себе в Рим, но все еще был вынужден околачиваться в Падерборне, ожидая королевского соизволения отправляться в дорогу.

— Ну, так что ты мне имеешь сообщить? — грубовато и коротко спросил меня архиепископ Арн.

Он был в охотничьей одежде — королевским советникам тоже вменялось участие в охоте, — а в свою рабочую комнату нагрянул, чтобы разделаться со скопившейся на столе грудой бумаг и пергаментов. От архиепископа пахло кожей, звериной кровью и конским потом.

– На Папу Льва напали бандиты-наемники, – стараясь говорить коротко и четко, взялся докладывать я. – Нанимателями, скорее всего, были люди из римской знати, у которых Папа на своем троне вызывает недовольство. Некоторые из высокопоставленных особ в папском окружении знали о нападении заранее и были так или иначе причастны к заговору.

– Имена? – возрился из-под кустистых бровей Арн.

– Точные имена этих лиц сейчас пытается установить мой человек в Риме. Пока из числа священнослужителей можно назвать двоих: один – примицерий Пасхалий, а второй – главный казначей по имени Кампул.

Глаза архиепископа зажглись интересом. Он повернулся к своему секретарю, который сидел в углу и делал пометки по ходу моего доклада.

– Проверь донесения из Рима, – скомандовал он.

Тот вскочил на ноги и начал перебирать документы в плоском коробе с крышкой, стоящем возле стола. Вытянув три или четыре страницы, он поместил их перед архиепископом, после чего возвратился в свой угол и сел в готовности продолжать записи.

Арн быстро ознакомился с документами.

– Я так и думал. Эти письма пришли из Рима за последнюю пару лет и содержат сетования насчет Льва и его окружения. Среди подписантов частенько значатся именно Кампул с Пасхалием. – Он поднял глаза, уставившись на меня долгим колючим взглядом. – Можешь ли ты доказать их причастность к нападению?

– Я допросил одного из преступников, мелкого разбойника по имени Гавино. Его свидетельства четко указывают именно на этих священнослужителей.

– Еще что-нибудь? – с недоверчивой гримасой усмехнулся Арн.

Я полез в сумку, что была при мне, и, вынув оттуда золотой сосуд с изображением царственного воина, поставил его перед архиепископом.

– А это какое отношение имеет к дознанию? – резко спросил тот.

– Быть может, и никакого, мой господин. Но эта вещь из дома весьма высокопоставленного человека из папского окружения, который тоже присутствовал в момент нападения на Льва.

– Кто он – Кампул? Пасхалий?

– Нет. Он папский распорядитель двора.

Вид у Арна сделался озадаченный.

– Та смутная личность, что всюду тенью семенит за Львом? Со следами от дубины на лице?

– Да, мой господин, это именно он. Его звать Альбин.

Мой собеседник подался вперед, взял сосуд и изучил изображение всадника в кольчуге, тащащего за волосы своего беспомощного пленника.

– Где ты это раздобыл?

– Для этого оказалось необходимым проникнуть к Альбину в дом. Мой человек в Риме искал возможную связь с заговором против Папы Льва. В том доме мы обнаружили тайник со множеством ценных вещей.

– Ты сказал «мы»?

– Я подумал, что мой господин предпочтет своими глазами взглянуть на одну из этих находок.

Архиепископ негромко хмыкнул. Невозможно было сказать, доволен ли он тем, что я проделал. Кувшин он все еще не выпускал из рук, вращая в своих лапищах и осматривая со всех углов.

– Ну а связь между этим и нападением на Льва? – задал он новый вопрос.

– Сосуд происходит из того же источника, что и плата преступникам: из сокровищ аваров. А сама по себе вещь уникальна.

Арн перевернул сосуд вверх дном. Глаза его были остры и сразу же заметили метку мастера. Как и бывший номенклатор, он принял их за руны и попытался прочесть без посторонней помощи. Видно было, как губы его шевелятся в попытке их сложить, но успехом его попытка тоже не увенчалась.

— У меня, мой господин, сложить из этих букв слово никак не получилось, — сказал я. — Мой друг из Рима утверждает, что сосуд этот, безусловно, аварской работы и сделан не так уж давно. Но ничего более.

— Ладно, — оборвал меня Арн. Он облизнул себе большой палец и оттер им с изображения воина приставшую соринку. — Это пускай останется у меня. Завтра Папе и его свите будет дан прощальный пир. Будь там с самого начала — я кое-кого назначу за тобою присматривать — и мы подвергнем этого Альбина небольшому испытанию.

* * *

Пир во время *pinguedo* начинались после возвращения короля с дневной охоты, поэтому в большой пиршественный зал дворца я вошел за час перед закатом. Место это было мрачноватое, похожее на пещеру. Небольшие подслеповатые оконца в толстых стенах располагались на самом верху. Света они пропускали мало, а потому на стенах уже трепетали рыжие языки факелов. В вышине над гигантскими, прокопченными дымом балками смутно проглядывали ребра стропил, распорок и опор, поддерживающих кровлю. Вдоль всего зала тянулись три длиннющих стола, а в дальнем его конце, на небольшом возвышении, поперек них стоял стол короля. Обычно мое место находилось где-то посередине зала, за одним из боковых столов, среди моих сослуживцев из числа *milites*. Однако сейчас меня на входе встретил один из помощников распорядителя, который провел меня к концу среднего стола, самого ближнего к королевскому возвышению. Губы помощнику кривила слегка спесивая улыбка — мол, надо же, такого выскочку приходится усаживать среди особ высокого звания. Ловил я на себе и любопытные взгляды других гостей, что занимали вокруг меня свои привычные места. Здесь все было сообразно титулу и званию. Ближе всех к монарху располагались феодалы и самые крупные землевладельцы. На них были богатые наряды и посверкивали подобающие титулам украшения: кольца с драгоценными камнями, браслеты и тяжелые ожерелья из золота. Эти особы знали друг друга в лицо, но никак не ожидали застать рядом с собой какого-то неброского, в их понимании, простолюдина. Поэтому, стоя в ожидании монаршей особы, они со мной не разговаривали. От меня не укрылось, что часть скамьи напротив меня и чуть ниже по столу до сих пор никем не занята. Поскольку обычай диктовал, что король занимает за столом место последним, это вполне могло означать, что опоздавшие к столу допущены не будут. Однако в последнюю минуту к столу подошел все тот же помощник, ведя за собой двоих гостей. Гости были с тонзурами и облачены в скромные темные рясы. До отведенных им мест они добрались как раз в тот момент, когда все собравшиеся повернулись лицами к возвышению и изготовились встречать появление короля и его приближенных.

Судя по поведению, король Карл был бы отнюдь не против, если бы званый ужин закончился как можно скорей. Обгоняя приближенных и высоких гостей, он широким шагом подошел ко внушительному, словно трон, креслу и сел, в то время как гости еще толклись, рассаживаясь за столами. Женщин среди присутствующих не было. Среди приближенных короля узнавались самые главные особы при дворе: дворцовый граф, управляющий дворцовым хозяйством сенешаль, а также ведающий конюшнями маршал. Сутулый седовласый человек в тунике из темно-синего шелка был, судя по всему, герцогом Сполетским, чье войско препроводило Папу Льва в безопасное место. Вид у герцога был скучающий — несомненно, ему было бы куда как более по нраву вновь пребывать на итальянской земле. На

почетном месте рядом с королем воссел Папа Лев (Карл был значительно крупнее его). Льва я видел впервые и не без любопытства присмотрелся к ранам на его лице. В скудном освещении пиршественного зала ножевые царапины на его щеках были едва заметны. Ничем остальным его лицо под плотно прилегающей бархатной шапочкой – красной с белым – не выделялось: широко посаженные глаза, чуть вздернутый нос, мелковатый рот с надутыми губами... Вид у него был обеспокоенный и неловкий: Папа как будто сознавал, что компании Его святейшества хозяин пира охотно предпочел бы ночлег в походном шатре. Единственным за королевским столом, кто выказывал к происходящему интерес, был архиепископ Арн.

Я встретился с архиепископом глазами, и он едва заметно кивнул мне, после чего стал оглядывать зал, нарочито меня игнорируя.

Мое внимание теперь было устремлено на Альбина, который сидел на расстоянии чуть больше вытянутой руки от меня. Удар дубины при нападении в Риме оставил у него на лице след куда более заметный, чем у его господина. Ему перекосило переносицу, и теперь ему предстояло ходить с искривленным носом до конца жизни. Синяки сошли, но осталась красноватая отметина. От этого общее выражение унылости на его лице лишь усугублялось. Сидел он тихо, глядя перед собою на стол, и легко было представить, как природная робость подвергает его в еще большее смущение, вызванное изуродованной внешностью.

За спинами сидящих гостей засуетились слуги, предлагая всем вино и пиво. Тем, кто остановил выбор на пиве, выдавались питейные рога. Мясистый краснолицый феодал слева от меня принес с собою собственный рог, внушительных размеров и отделанный серебром. Когда он оказался наполнен, феодал повернулся ко мне широченной спиной и громовым голосом повел разговор со своим соседом по столу – что-то на тему сегодняшней охоты, с перечислением кличек и заслуг отдельных собак.

Между тем Альбин с собратом выбрали вино, и им были поданы высокие узкие кружки из зеленоватого стекла. Когда Альбин взялся за пищу (подавалась, само собой, оленина), он стал специальным ножичком разделять поданный кус на маленькие кусочки, которые апатично жевал (быть может, беднягу все еще донимала зубная боль). За едой он сидел с кроткой мученической улыбкой, не произнося ни слова и не поднимая от плоской деревянной тарелки глаз. Я был уверен, что встречу со мной в монастыре распорядитель папского двора и не припоминает.

Спустя какое-то время до меня дошло, что вдоль сидящих за столом гостей в мою сторону движется все тот же помощник, который определил мне место за столом. Сейчас его сопровождали двое слуг, а он проверял, чтобы у каждого гостя были налиты рог или кружка и никто не был обделен. Там, где кружка или рог пустели, он подзывал слугу, и тот аккуратно доливал пива или вина. С их приближением я заметил, что вино сейчас подается не иначе как из сосуда с золотым воином.

Вот слуга поравнялся с Альбином и его собратом-церковником. Последний просто поставил свою кружку. Но едва кувшин оказался на линии глаз Альбина, как нож выпал у распорядителя из руки. Он перестал жевать и сделал глубокий вдох, после чего сел, деревянно выпрямив спину, и его лицо оказалось у меня на виду. Он мертвенно побледнел, а глаза его расширились и смотрели, не мигая, почти бессмысленно. Слуга закончил доливать вино и двинулся дальше. Секунду-другую Альбин сидел, словно оглушенный. Затем он с видимым усилием все же овладел собой: потянулся, взял наполненную кружку (и рука, и вино при этом различимо дрожали) и поднес ее к губам. Делая глоток, он скосил глаза в сторону королевского стола, ища взглядом Папу. Я попробовал разобрать выражение его лица. Стыд, вина, страх? Нет, что-то иное: Альбин пытался передать некое беззвучное послание. Но в эту минуту Лев смотрел на короля и взгляда Альбина не заметил. Тогда распорядитель стал смотреть перед собой. Я моментально отвел глаза, но оказалось поздно. Наши взгляды

встретились, и на мгновение я увидел в глазах изуродованного человека проблеск узнавания – выражение, сразу же сменившееся чем-то вроде жесткого, насквозь враждебного подсчета.

Изобразив безразличие, я подался на скамье назад, якобы подзывая слугу. На самом деле я смотрел на возвышение с королевским столом. Оттуда за Альбином с потаенной хмуростью наблюдал архиепископ Арн.

* * *

Вскоре король Карл положил пиру конец, резко встав из-за стола. Гости в зале немедленно завопили, поднимаясь со скамей в знак почтения перед монаршей особой. Все оставались на ногах, пока Его величество не вышел из зала, а следом за ним не просеменили приближенные. После этого можно было снова сесть и продолжить питье под поданные фрукты летнего урожая. Я воспользовался моментом и ускользнул, а снаружи оказался перехвачен секретарем Арна. Архиепископ желал видеть меня у себя, причем незамедлительно.

Арн стоял перед своим рабочим столом, властно расставив ноги, а руки сцепив за спиной. В желтовато-оранжевых отсветах единственного стенного факела лицо архиепископа казалось еще более жестким, словно высеченным из дубовой коры. Кроме нас двоих, в комнате никого не было.

– Ты хорошо сделал, что доставил мне ту золотую посудину. – Судя по тому, как он это произнес, слова похвалы с его уст слетали крайне редко. – Не зря Алкуин сказал, что ты толков.

Я ждал, что он скажет дальше.

– Твое участие в этом деле закончено, – добавил архиепископ.

– Мой господин, но я еще не установил четкой связи между богатством Альбина и нападением на Папу, – дерзнул возразить я.

– Это уже более не твоего ума дело, – перебил мой собеседник. – Через несколько дней Папа Лев со своей свитой отправляется в Рим. С ними отбываю и я. Ну а там я начну формальное расследование обстоятельств нападения.

Меня словно обдало яростным жаром – настолько, что я безотчетно рискнул навлечь на себя гнев архиепископа.

– Мой господин, в таком случае вам не мешало бы выслушать, что, по моему мнению, составляло истинную причину нападения на Льва.

У Арна на щеках зашевелились упрямые желваки.

– Завтра в предрассветный час король выезжает на охоту. Я должен его сопровождать, а потому оставшиеся до утра часы хотел бы употребить на сон.

Он как будто собирался шагнуть сквозь меня.

– Убить Папу никто не пытался, – тихим ровным голосом промолвил я.

От этих слов Арн остановился.

– Что ты сказал?! – рыкнул он. – И откуда у тебя такие мысли?

– Никто не нанимает шайку мелкой швали для того, чтобы она лишила зрения самого Папу, да еще среди бела дня и прямо на улице. Такое по плечу только опытным истязателям где-нибудь в каземате.

Архиепископ уничижительно фыркнул:

– Ты видел на лице Льва шрамы? Так вот, они отнюдь не нарисованные.

– Его пытались напугать, но не убить.

– С чего бы кому-то взбрело в голову наводить ужас на Папу? – спросил Арн, нетерпеливо дернув плечом.

– То было предупреждение. Друг в Риме обратил мое внимание на странное совпадение: все три служителя, которых можно заподозрить в осведомленности о налете, или были, или сейчас тесно связаны с папской казной.

Архиепископ резко тряхнул головой:

– Зигвильф, мои слова о твоей разумности я беру назад. Ты глуп. Измышляешь заговоры там, где их нет.

– Мой господин, я полагаю, что неверное поведение Папы и обернулось для него посягательствами на репутацию и угрозами.

В глубине стальных глаз Арна блеснули искорки-молнии.

– Не испытывай мое терпение, солдат. В твоих услугах больше нет надобности.

На дверь мне было указано столь однозначно, что оставалось лишь учтиво поклониться и выйти. Вообще-то хорошо, что моя роль королевского соглядатая была на этом закончена. На душе у меня стало спокойно и слегка печально. Но вместе с тем, отправляясь в ночь, я чувствовал безотчетное глухое опасение, что что-то здесь не так. Уж слишком резко и без всяких доводов избавился от меня архиепископ. Сама собой напрашивалась мысль: уж не приближаюсь ли я к чему-то, чего мне знать не положено?

Глава 7

ГЛАВА 7

Падерборн

Было около полуночи. В душном воздухе стояло полное безветрие. Зыбь ночных облаков рассеивала лунный свет так, что в его голубоватом неподвижном свечении скученные, притихшие дома и строения Падерборна казались бесплотными, точно заколдованными. Впрочем, несмотря на ночную пору, тишины над округой не было: откуда-то справа доносилось пьяное пение под какую-то не то дудочку, не то рожок, которому кто-то не в такт, но с чувством подстукивал на деревяшках. Запоздалые гуляки после пира все еще продолжали бражничать. Я пустился чередой проулков, которые должны были вывести меня к казармам, где я обитал вместе со своими сослуживцами из *milites*. Шум кутежа за спиной постепенно слабел, а на смену ему выплывали обычные ночные звуки Падерборна: капризный плач младенца, отдельное покашливание или храп спящих, слышные через окошки, открытые теплomu ночному воздуху... Со стороны какого-то окраинного дома, окруженного глухим низкорослым садом, слышалось тихое постанывание не то борьбы, не то любовной утечи. Единственным различимым движением была мелькнувшая в боковом проулке худая кошка.

Лично меня тянуло поскорее лечь и уснуть. Долгий, хотя и спешный, переезд из Рима оказался изматывающим, а по приезде я сразу же отправился на доклад к архиепископу Арну. После этого я едва успел разобрать седельные сумки и переодеться, как настало время идти в пиршественный зал. Теперь же я, наконец, свернул за последний на моем пути угол, и шагах

в тридцати впереди моему взору открылась длинная и приземистая, похожая своим видом на конюшню казарма без единого огонька в окнах.

Напали на меня совершенно бесшумно. Когда я проходил горловину переулка, что тянулся вдоль казармы, кто-то зашел мне за спину и, проворно накиннув мне на голову толстый плащ, тут же рукой больно обжал мне горло. В ноздри ударил стоялый запах козьей шерсти, от которого я поперхнулся. Спустя секунду мои руки оказались прижаты к бокам, а земля ушла из-под ног, поскольку меня над ней приподняли. Ошеломление не оставило мне шансов вступить в схватку.

Нападавшие пронесли меня всего несколько туазов, и я понял, что меня заволакивают в глухой закоулок. Здесь они остановились, и, не успев я опомниться, как рука отпустила мне шею, а кто-то приложил ладонь к закрывающей мне лицо ткани, и от крепкого тычка я затылком ударился обо что-то вроде деревянной стены дома. При этом колени подо мной непроизвольно подогнулись. Я просел наземь, но меня подняли и на этот раз саданули кулаком в живот. Поперхнувшись дыханием, я упал вперед.

Тот, кто меня ударял, проявлял недюжинную деловитость. Мне припомнилось, как в том же духе управлялся с Гавино Теодор в его лачуге – это нападение было столь же заправским и безжалостным. Я ощутил еще два огненных удара, в лицо и живот. В мозгу словно полыхнул сноп искр. Голова моя была по-прежнему завернута в плащ. Корчась от боли, я пытался сделать вдох, при этом не зная, куда падет следующий удар. Земля – пьяная, легкая – поплыла у меня под ногами, и я бессильно обвис. Тот, кто меня до этого держал, дал мне свалиться наземь, и вскоре я уже лежал, сиплым дыханием преодолевая тошноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.